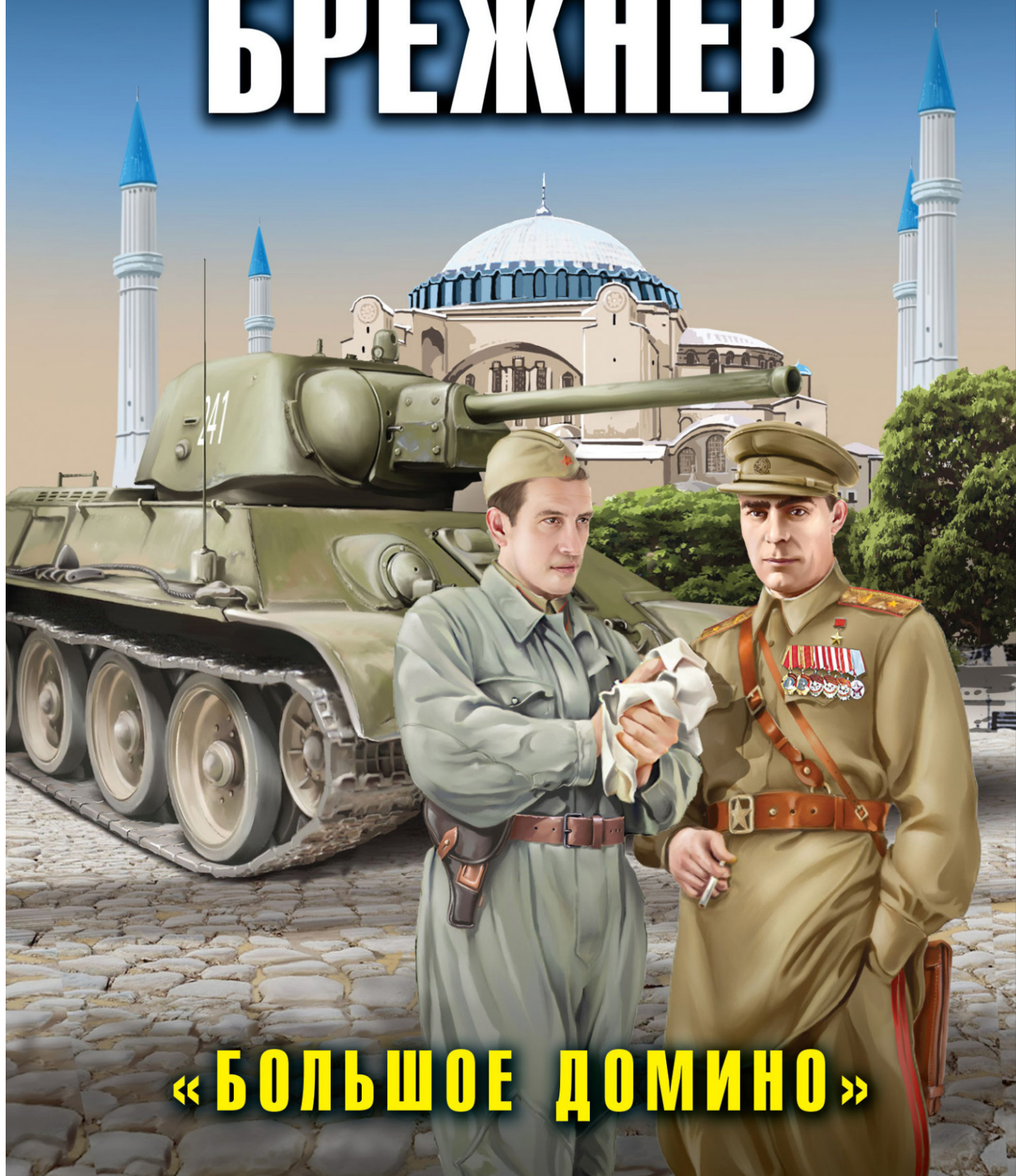

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Дмитрий АБРАМОВ

ТОВАРИЩ БРЕЖНЕВ

«БОЛЬШОЕ ДОМИНО»

Военно-историческая фантастика

Дмитрий Абрамов

**Товарищ Брежнев.
Большое Домино**

«Махров»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Абрамов Д. В.

Товарищ Брежнев. Большое Домино / Д. В. Абрамов —
«Махров», 2022 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-164752-0

Четвертая книга цикла «Товарищ Брежнев». Весна 1943 года. Всего за несколько зимних месяцев разгромлены группы немецких армий «Юг» и «Север» – и всегда на острие главного удара шла Гвардейская танковая бригада под командованием Леонида Брежнева. Но успехи Красной Армии не дают покоя нашим «западным партнерам» – Англия и Турция выступают на стороне изрядно побитой Германии. На фронт целыми дивизиями гонят французов, бельгийцев, голландцев, датчан и прочих европейцев. Однако войска Советского Союза уже не остановить – почувствовав вкус победы, наши солдаты рвут в клочья наспех собранный против них «западный интернационал». После капитуляции Швеции Ставка ВГК поручает генерал-лейтенанту Брежневу готовить операцию по захвату Стамбула.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164752-0

© Абрамов Д. В., 2022
© Махров, 2022

Содержание

От автора	6
Интерлюдия	39
Интерлюдия	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Абрамов
Товарищ Брежнев. «Большое Домино»

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

© Абрамов Д.В., 2022

© ООО «Издательство «Яуза», 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

От автора

Данное повествование является плодом фантазии автора, но большинство персонажей, естественно, имеют своих прототипов. Характеристики и действия персонажей, похожих на исторических деятелей описываемой эпохи, обоснованы сугубо личными знаниями автора и его личным мнением об этих персонажах. Хотя это мнение и сформировалось в результате, надеюсь, более-менее объективного изучения вопроса. Неполиткорректные действия и высказывания персонажей обусловлены их ролью в повествовании, и автор не всегда относится положительно к таким действиям и высказываниям.

Если некоторые характеристики и действия персонажей книги читателю покажутся спорными или неприемлемыми, то автор может посоветовать такому читателю ознакомиться с трудами историка и ветерана разведслужб Арсена Бениковича Мартиросяна, в частности с крайней его книгой-исследованием «Накануне войны. Можно ли было избежать трагедии». В своей книге А. Мартиросян приводит документы и свидетельства о прямой причастности части высшего военного командования РККА и части политического руководства СССР к трагедии 41-го года.

И небольшой спойлер. Если при чтении этой книги уважаемому читателю, возможно, покажется, что в повествовании присутствуют более чем два «рояля» (автор сам читатель, и «рояли» иногда сильно раздражают), то автор советует заглянуть в Послесловие. Послесловием, возможно, автору удастся убедить читателя, что замеченные при чтении «рояли» таковыми на самом деле не являются.

20 марта 1943 года, г. Москва

Наконец закончилось моё сидение в Стокгольме. Сначала сформировал Советскую оккупационную администрацию в Швеции, а потом передал руление ею Хайретдинову. Ага. Нехай шведы под татарской рукой походят. Шутка юмора такая. Накануне вечером вылетел из шведской столицы в Москву. Ночью Ли-2 дозаправился в Ленинграде и к трем часам ночи доставил меня на Центральный аэродром столицы Союза. Ожидал всякого, кроме полного игнора. И его и получил. На выходе из самолёта энкавэдэшный патруль проверил у меня документы и потерял ко мне всякий интерес. Оглядываюсь. Встречающих не видно. Парочка легковых авто увозит летевших вместе со мной отечественных и шведских дипломатов, еще одна «эмка» увозит фельдъегеря с секретно-почтовыми мешками. За мной никого не прислали. Иду-бреду к диспетчерской аэродрома. Дежурный сжалился над бездомно-бесхозным генерал-лейтенантом и пустил покемарить до утра в свою комнату отдыха. Утром игнор продолжился. Никто меня не ищет. Умывшись, бреду в аэродромовскую столовку. Продаттестат, предъявленный на входе, оборачивается весьма плотным завтраком. Приличную пайку страна обеспечивает своим генералам. После завтрака выхожу на крыльцо подышать. На аэродроме – движуха вовсю. Всякие-разные самолеты взлетают-салятся, грузовики и легковушки шныряют из одного конца в другой, старшины ведут свои подразделения на завтрак или разводят на работы, зенитные офицеры проверяют очередной раз маскировку орудий, техники колдуют в ангарах, обслуживая уставшие самолеты, начкар с разводящим идет проверять посты. Все при деле, только я выгляжу трутнем. Грустно. Вот так Родина встречает покорителя Скандинавии... Хотя ведь не дали до конца покорить. Маргелов теперь за меня мои недоделки дорабатывает. Ну, да ничего, доделает Василий Филиппович. Из северной Норвегии Дитля уже почти выжали, а в южной части – немцев не так уж и много. Пара дивизий береговой обороны там у вермахта размещено. Куда им против трех советских корпусов рыпаться? Пара недель еще – и, переходя на солженицынский слог, вся Скандинавия застонет под пятой советских оккупантов. Ну и пускай стонет, нечего было нам гадить, в следующий раз умнее будут вырождающиеся потомки викингов.

Ладно, хорош бухтеть. У меня предписание на руках. Ждут меня в Главном управлении кадров Наркомата обороны. Надо как-то туда добираться. Иду к дежурному по аэродрому, попробую выцыганить какой-нибудь транспорт до Арбата. Оказалось, что ничего сложного нет. Центральный аэродром сейчас весьма оживленный транспортный узел, и машины с него во все концы Москвы снуют. Попутка нашлась буквально через десять минут, а еще минут через пятнадцать я вышел из штабного автобуса у здания с квадратной башней на Гоголевском бульваре¹.

Бюро пропусков. Пропуск к кадровикам мне оформили моментально. КПП, проверка документов, гардероб. Скинул с себя моднявый монгольский полушубок и трофейный пехотный ранец с личными вещами на руки сержанту-гардеробщику и окунаюсь в деловую суету наркомата. Большинство местных офицеров передвигаются по зданию без головных уборов, а вот я, не подумав, не сдал свою мутоновую ушанку в гардероб, вот теперь и приходится на каждый поворот головы в мою сторону вскидывать руку в воинском приветствии. Надоело. Плюнул и, сняв шапку, зажал ее под мышкой. Иду по коридорам наркомата, пытаюсь не заблудиться, торможу встречающих офицеров на предмет махнуть рукой в направлении нужного мне кабинета. Уф. Добрался.

В нужном мне кабинете из-за стола навстречу поднимается полковник. Представляюсь. Ага. Ждали меня. Папочка с моим личным делом моментально извлекается из ящика двухтумбового стола. Несколько минут полковник листает мое «дело», извлекает из него уже заполненный бланк.

– Товарищ генерал-лейтенант, – официальным тоном произносит полковник, – приказом наркома обороны вы направляетесь на учебу в Высшую военную академию имени Ворошилова².

Полковник вручает мне предписание. Приехали. Все воют, а меня за парту. За что? Встаю, собираюсь уходить.

– Подождите минутку, товарищ генерал. Тут еще один момент. – Полковник опять листает мое «дело», находит там еще что-то: – Ага, вот оно. Вас просят обязательно зайти в финансовый отдел.

– И где мне его искать?

– Пойдемте, я вас провожу, тут недалеко.

Опять коридоры-переходы-лестницы. В финотделе полковник сдает меня с рук на руки штабному финансисту, и тоже полковнику. Финансист рад встрече. Оказывается, у меня на счету скопились большие выплаты и непорядок, что они еще не выданы на руки. Почему их было не произвести через финчасть корпуса? Так там отродясь таких деньжищ не водилось. Полковник быстренько оформляет платежки и ведет меня в кассу. Охренеть! Кассир, потребовав с меня роспись в платежке и в каком-то журнале, начинает выкладывать передо мной банковские бандерольки. Пять бандеролек с черными червонцами³, четыре бандерольки с пятирублевыми синими купюрами и еще небольшая пачка пятерок и трешек. Итого пятьсот двадцать с копейками тысяч рублей. За что мне столько? Оказывается, премии и выплаты за рацпредложения. Не хило так государство оценивает мои интеллектуальные потуги. Оказывается, все то, что я успел нагенерировать в разговорах, в Генштабе и на заводах, оформлено и задокументировано, а за то, что пошло в производство, мне полагается доля. Наболтать я за прошедшую зиму смог много. Боеприпасы объемного взрыва, усовершенствование кумулятивных боеприпасов, мины направленного действия, снегоходы и водные мотоциклы, реактивные

---

¹ Адрес Наркомата обороны СССР – Гоголевский бульвар, д. 18.

² Так с 1942 по 1958 год называлась Академия Генерального штаба.

³ Билет Государственного банка Союза ССР номиналом в десять червонцев имел основной цвет – черный. На рубли червонцы разменивались по курсу 1 к 10.

заряды разминирования, реактивная система дистанционного минирования, усовершенствование танков-мостоукладчиков и идея инженерных машин разграждения-путепрокладчиков, че-то еще по мелочи. Особняком стоит совсекретное рацпредложение о способе уничтожения вражеских баз флота. В одну из встреч с Василевским вспомнил о взрыве в канадском Галифаксе транспорта со взрывчаткой и предложил подгонять во вражеский порт сухогруз под нейтральным флагом и с мирным сельскохозяйственным грузом, с селитрой. Василевский прислушался к моим фантазиям и организовал такой подгон в турецкую Чанаккале, где готовился к броску в Черное море немецко-англо-итальянский флот. Пять линкоров, два авианосца и несколько десятков крейсеров-миноносцев-подлодок-транспортов будут развлекать в будущем любознательных дайверов на дне турецкой бухты.

В общем, понятно, за что мне такое богатство. А вот что мне теперь с ним делать? Куды мне с такой охапкой денег? Кассир сжалился и выдал мне из своих запасов холщовый мешок. Прикольно. Идет по коридорам наркомата обороны генерал-лейтенант и как Дед Мороз мешок с подарками волочет. В гардеробе запихал денежный мешок в ранец с вещами, от чего тот солидно распух. Теперь мне предстояло как-то до академии добраться. До Большого Трубецкого переуллка, где она сейчас располагается, почти час пешком, наверное. Иду к дежурному по КПП кланчить машину. Хорошо быть генералом. Не послал меня майор-дежурный, проявил внимание-уважение. Правда, все легковушки из наркоматовского гаража в разгоне и до академии меня подбросила полуторка. Фигня, мы не гордые, зато не пришлось месить ногами начавший активно таять снег.

Академия. КПП. Проверка документов. Объяснение дежурного, как пройти в строевой отдел. В строевом опять полковник. В отличие от наркоматовских наглаженно-образцовых тыловых полканов, этот, помято-бледный с тростью, явно только из госпиталя, танки в петлицах. Извиняется. Только вторую неделю здесь, не все еще знает и постоянно выходит куда-то посоветоваться-уточнить. Около часа ушло на заполнение всяких-разных бумаг. После чего строевик выдает мне ключ от служебной квартиры. Адрес – в районе Таганки. Ближний свет, ага. Подальше ничего не было? Не, ближе ничего нет. Ближайшая общага вся занята, да и не положено генерал-лейтенанту в общаге кантоваться. Так что получите-распишитесь, вот вам казенная двушка. И не забудьте к заму по тылу зайти. Нет. На довольствие меня и так поставят. Но мне, оказывается, еще продпак натурой положен. Зам по тылу выпишет накладную, и можно будет на продскладе недельный запас тушенки-хлеба-макарон-круп получить. А завтра к восьми ноль-ноль ждут вас, товарищ генерал, в учебном отделе. Нет, сейчас туда идти бессмысленно, со слушателями учебный отдел только с утра работает. Так что завтра там получите назначение в учебную группу и расписание занятий.

Зам по тылу. Продсклад. Цельный вещмешок всякого съестного. Вещмешок, правда, на склад надо вернуть, или финчасть из зарплаты высчитает.

И вот стоит на улице генерал-лейтенант в полушубке, на одном плече немецкий ранец с мыльно-рыльными принадлежностями, сменой белья и полумиллионным богатством, а на другом – отечественный сидор с американскими консервами и советской хлебно-крупяной и прочей гастрономией. Личной машины слушателю академии не положено. Адьютанты-ординарцы остались в Стокгольме. Вот стою и думаю, как добраться через пол-Москвы до своего нового дома. Торможу проходящего мимо пожилого старшину-милиционера. Тот, косясь на мой объемно-массивный багаж, для начала требует предъявить документы. Уразумев ситуацию, довольно подробно объясняет, как проехать до Таганки, где и на что пересаживаться. Иду-бреду к остановке трамвая. Мужик какой-то за мной увязался. Да не, ему тоже на трамвай. Дожидаюсь вагон электротранспорта, успел покурить. Пустая поначалу остановка заполняется людьми. Наконец подходит дребезжащий вагон. Загружаюсь. Покупаю у кондуктора билет и прошу его предупредить меня о нужной остановке. Трамвай перебирается через Москву-реку по Крымскому мосту и начинает петлять по улочкам Замоскворечья. Давешний мужик выхо-

дит на очередной остановке. И чего я к нему привязался? Выходит – и хрен с ним. Трамвай трогается. Бросаю взгляд назад, на удаляющегося мужика, трястись в трамвае еще долго, вот и скучно мне, развлекаюсь, пытаюсь понять, чем мужинка привлек мое внимание. За трамваем едет слегка помятая «эмка». «Эмка» как «эмка». Но вот она притормаживает у тротуара, и мужик запрыгивает в ее нутро. Знакомые подвернулись? Может быть. Легковушка резво обходит трамвай и исчезает за очередным поворотом. Трамвайные рельсы чуть погодя вворачивают вагон в тот же поворот. Пригибаюсь, чтобы глянуть в лобовое стекло вагона. «Эмка» стоит у очередной остановки, и из нее выходит мужчина. Другой. Тыдыңц! Чего это за пляски? Авто уезжает, а мужик нацеливается загрузиться в трамвай. Ну его на фиг такие танцы-непонятки. Мужик заходит в заднюю дверь и сразу попадает в объятия пожилой кондукторши. Пока они там меряются-меняются мелочью-билетами, я выскакиваю из трогającego вагона.

Ворота-подворотня. Быстрым шагом вваливаюсь во двор дореволюционного многоквартирного дома. Вряд ли двор тупиковый. Ага. Еще в три стороны проходы есть. Иду, куда ноги несут. Поворот. Еще двор. Опять поворот. Надо на соседнюю улицу выйти. Очередной двор. Бабулька с пацаном лет десяти. Только собираюсь задать вопрос о пути-дороге, как мальчонка озадачивает меня:

– Дядя, а вы письмо от моего папы нам принесли?

– Егорка! – подает голос женщина. – Ты что, не видишь, это командир, а не почтальон. – И уже мне: – Извините, товарищ командир. Егорка ко всем теперь пристаёт, письмо от отца все ждет.

На пацаненку жалко смотреть. Вот-вот заплачет от разочарования.

– А кто у тебя папка? – спрашиваю.

Парень оживляется, хлюпает носом и выдает:

– Папка у меня танкист! Вот! Капитан Капитанов!

– Как? – вздрагиваю, бывает же такое, или мне послышалось.

– Звание воинское такое – капитан, – серьезно разъясняет парнишка. – А фамилия наша – Капитановы. Вот!

Твою ж дивизию, бывает же такое...

– Все-все, Егорка, не отвлекай товарища командира, – бабулька тянет внука к подъезду.

– Нуу, баа, может, он про папку что слышал? – не унимается малец.

– Как зовут отца?

– Александр Сергеевич.

Во блин! Бабулька внимательно смотрит на меня, и от нее не ускользают мои эмоции.

– Вы его знали?

Знал ли я его? Бывают, конечно, совпадения. Но вот так у меня в первый раз.

Это было на следующий день после того, как мы освободили Ригу. Из нескольких концлагерей мы несколько тысяч военнопленных освободили. Из них же начали спешно формировать пехотные подразделения, благо и трофейного оружия было захвачено в достатке, и один из лагерей оказался офицерским, и не было проблем с тем, кого поставить взводами-ротами командовать. На формируемые батальоны я ставил своих, бригадных офицеров, а вот ротными-взводными там назначались только что освобожденные бывшие военнопленные из офицерского концлагеря. Без проверки-фильтрации. Некогда. Все потом. На Ригу шел эсэсовский танковый корпус, и надо было срочно крепить оборону. Поехал я тогда по позициям. Проверяю, как окопы-позиции оборудуют, новые подразделения инспектирую. Очередная сводная группа готовится выдвигаться навстречу немцам для организации заслона-засады. Танковый взвод и свежесформированная пехотная рота при двух противотанковых пушках. Командир роты подбегает с докладом. Командир роты капитан Капитанов. Очень похож на актера Юматова из «Офицеров». Бывает же такое! А если до полковника дослужится? Фамилию менять? Улыбаюсь. Капитан мнетя, что-то ещё хочет сказать. Ну, давай выкладывай. Танкист он.

Последнее место службы – командир батальона легких танков во 2-й ударной армии. В июле прошлого года при попытке вывести оставшихся бойцов батальона из окружения был ранен и взят в плен. Вот так. В общем-то довольно рядовая по нынешним временам история.

– Я танкист, товарищ генерал, могу наводчиком в любой танк сесть, больше пользы принесу.

Слава богу и партии, у нас в бригаде на тот момент потери в общем-то были небольшие и безэкипажной техники не имелось, разве что десяток-другой взятых уже здесь, в Риге, трофейных бэтэров. Но это не для танкового комбата работенка.

Киваю адъютанту, мол, запиши данные, будем иметь в виду.

– Извини, капитан, нет у меня для тебя танков. Вот отобьемся, тогда и тебя по профилю применим, а пока давай не подведи. Немцев надо максимально притормозить на дальних подступах.

А через несколько дней, когда от немецкого корпуса отбились и к Риге подошли части Северо-Западного фронта, сижу в штабе, просматриваю донесения из подразделений о потерях, разбираю представления о награждениях, пишу похоронки. На рядовых-сержантов похоронки писали командиры подразделений, а на офицеров у меня похоронки писали штабные, ну и я сам тоже, когда время позволяло. Когда разбирал представления о награждениях, натыкаюсь на знакомую фамилию. Капитан Капитанов. Умело командовал ротой при устройстве засады. Рота под его командованием уничтожила до двухсот вражеских солдат и офицеров, огнем из ПТР и противотанковых орудий рота подбила четыре танка, шесть бэтэров и до десяти грузовиков. Был ранен. Один из наших танков, участвовавших в засаде, был подбит. После получения приказа на отход заменил убитого наводчика в подбитом танке и огнем из этого танка прикрывал отход подразделения на запасные позиции. Огнем из танка лично подбил три вражеских танка и два бэтэра. Вел огонь из танковой пушки до тех пор, пока танк не был окончательно уничтожен врагом. Через несколько дней, когда мы вернулись на эти позиции, тело капитана было извлечено из танка и опознано. Похоронили капитана в братской могиле на окраине Риги. Комбат представлял капитана к ордену Красного Знамени посмертно. Зачеркиваю. Вписал представление к званию Героя. Только вот похоронку некуда было писать. Личное дело не успели толком завести. Где и когда родился, когда был призван, где учился – есть, а про семью записи нет. Ну, ничего, данных хватает. Разберутся штабные, найдут родных капитана.

И вот, похоже, сам семью капитана нашел.

– Фотография есть твоего папки? – спрашиваю мальчика. – Был у меня знакомый с такой фамилией.

Мальчонка оживился, тянет меня за собой. Поднимаемся на второй этаж, в квартиру к моим нечаянным знакомым. Егорка, не разуваясь, бежит в комнату и возвращается с большой, видно ещё довоенной, фотографией. Бравый красный командир, в петлицах танки и кубари старшего лейтенанта, миниатюрная блондинка в светлом ситцевом платье, а между ними Егорка в новенькой школьной форме с портфелем и букетом цветов. На первое сентября, наверное, фоткались. На фото командир еще больше на Юматова похож.

Бабулька замерла, прижала руки к груди. Мальчишка с надеждой заглядывает мне в глаза.

– Он? – шепчет женщина.

– Он, – киваю, слова застревают в горле.

Женщина уже все поняла по моему виду.

– Когда?

– Зимой, под Ригой.

Егор, размазывая слезы, убегает в комнату. Бабулька просит рассказать о том, где и как. Приглашает пройти на кухню. Прошу поставить чайник. Заваркой я нынче богат. Попьем чайку. Под чаек и расскажу. Бабульку зовут Тамарой Степановной. Теща капитана. Жена Алек-

сандра Капитанова – Ольга – на службе, здесь, в Москве. Зенитчица. Младший лейтенант. Командир взвода. Иногда забегает домой, но все больше в казарме или на позициях где-то в Сокольниках.

Пока Степановна возится с чайником на керогазе, лезу в свой вещмешок и начинаю выуживать из него заварку и другие деликатесные в нынешнее время продукты. Вот, блин, тормоз! Вываливаю из мешка все продуктивное богатство на кухонный стол.

– Тамара Степановна, это вам.

– Да вы что? Мы не голодаем. И у Ольги паек хороший, – сопротивляется бабулька.

Да уж. На блокадные ленинградские фото они с Егоркой, конечно, не похожи, но и упитанными не выглядят.

– Берите. Страна своих генералов хорошо кормит.

Деньги у меня есть, могу и в коммерческом ресторане недельку похарчеваться. Перебьюсь.

На кухне опять появляется Егорка.

– Расскажите про папку.

Конечно, расскажу. Для начала вручаю мальчишке плитку шоколада. Потом достаю из трофейного ранца трофейный же эсэсовский офицерский кинжал. Ясен пень, не сам его затрофеил, корнеевские ухорезы добыли, ну а уж мой главный особист мне презентовал.

– Держи.

Егорка внимательно рассматривает кинжал, слегка морщится, натываясь взглядом на орла со свастикой, усевшегося на ореховой рукоятке.

– Трофей.

– Папкин?

Что тут скажешь.

– Да, папкин. Он немецкого полковника убил и с него этот кинжал снял.

Ага. Трофей должен иметь свою историю.

Поспел чай, нарезаны бутерброды. Рассказываю все, что знал о капитане. Степановна охает. Егор замер, сжимает кинжал и ловит каждое мое слово. Восторг в мальчишеских глазах, когда сообщаю о том, что его отец представлен к ордену. К какому – не говорю. Не знаю, утвердили ли мое представление на Героя. Если нет, то уж Красную Звезду должны дать точно. Все рассказал. Пошли вопросы. Уже собрался уходить. Звонок в дверь.

– Мамка пришла. – Егор срывается с табуретки и бежит в коридор.

Ольгу отпустили со службы переночевать дома. Знакомимся-представляемся. Сообщаю печальную весть. Ольга воспринимает известие о гибели мужа даже с каким-то облегчением. В прошлом августе пришло извещение, что муж пропал без вести. Про гибель Второй ударной особо не сообщалось, но Ольга уже тогда служила и примерно представляла, где муж служил и что там произошло. Погиб? Попал в плен? Как узнать? А тут хоть какая-то определенность. Приходится рассказывать все по второму разу. Засиделись. На улице уже темно. Скоро комендантский час. Фигня. У меня пропуск. На прощание объясняю Ольге, куда надо обратиться в наркомате, чтобы получить документы о гибели мужа, и как узнать о награждении.

Выхожу из дома и начинаю петлять по дворам, выбираясь на улицы. На улице нос к носу сталкиваюсь с патрулем. На мне полушубок с большим овчинным воротником, погоны почти не видны, генеральские лампасы на галифе тоже из-под полушубка не рассмотреть. Прикольно выглядит младший лейтенант, разглядывая мое удостоверение личности и врубаясь, что там за звание прописано. Цельный генерал-лейтенант из подворотни с немецким ранцем вырулил. Есть от чего рот разинуть и удивиться. Чего это генерал тут, ночью, один, с плотно набитым ранцем делает?

– А что у вас там, товарищ генерал-лейтенант? – начальник патруля указывает рукой на стоящий у моих ног ранец.

- Личные вещи и деньги.
- Предъявите к досмотру, пожалуйста.

Да без проблем, смотрите. Лица патрульных вытягиваются при виде объемных пачек денег, руки на автомате скидывают с плеча карабины. Начпатр тоже тянется к кобуре.

– Спокойно, младший лейтенант, посмотрите там, – киваю на стопку моих документов, еще зажатую в руке младлея. – Расчетная книжка⁴ есть, в ней все отражено.

Начпатр недоверчиво начинает листать расчетку, а там все премии скрупулезно перечислены и дата выплаты стоит сегодняшняя.

- Вопросы?
- Никак нет, товарищ генерал-лейтенант. Но как же вы тут?

Хрен его знает, о чем хотел спросить младший лейтенант, но снисхожу и пытаюсь объяснить.

– Зашел к семье погибшего однополчанина, – киваю на дома за спиной. – Вот засиделись, а теперь надо до своей квартиры добраться.

- А где квартира?
- Лейтенант, там же в документах ордер на квартиру есть, – указываю начпатру на невнимательность.

- Ах да, извините.
- Лучше подскажите, как пройти, а то я в этих местах первый раз.

Начальник патруля начинает словами и жестами описывать дорогу до нужного мне адреса. В начале улицы появляется взрыкивающий движком грузовик. Один из патрульных выскакивает на проезжую часть и тормозит порожнюю «трехтонку». Младший лейтенант прерывает свои объяснения и идет проверять документы у водителя. Минуты через три-четыре возвращается ко мне.

– С вокзала пустой на завод возвращается, – комментирует начпатр ситуацию. – Ему в ту же сторону, что и вам. Может подвезти.

- Спасибо, лейтенант, воспользуюсь.

Пожилой водитель устал и хмур, неразговорчив. Опаздывает на погрузку, звиздюлей отсыпать могут, так что никуда заезжать не будет, а выкинет меня в ближайшем к моему дому месте на его маршруте. Ну и на том спасибо.

Прокатались с ветерком. Иду, оскальзываясь на подмерзающих продуктах дневного таяния сугробов. Нужный квартал нахожу без проблем. Мой дом в глубине квартала, это я ещё в академии на плане Москвы рассмотрел-запомнил. Дом. Трехподъездная пятиэтажка. Ориентируюсь по табличкам у подъездов и нахожу свой. Дверь со скрипом. Света на лестнице нет. Светомаскировка. Достаю фонарик и, подсвечивая им, взбираюсь на нужный мне третий этаж. Уф. Добрался. Отпираю дверь и захожу в квартиру. В квартире тепло. Паровое отопление, однако. Свечу фонариком. На окнах есть плотные шторы светомаскировки. Задергиваю их, включаю свет. Осматриваюсь. Минимализм. На кухне – стол, тумба, стул и керогаз. В ванной присутствует дровяной водогрей и небольшая охапка дров, топорик для их колки. Комнаты проходные. В первой солдатская панцирная кровать с матрасом, подушкой и казенным одеялом, шкаф с постельным бельем, и все. Во второй комнате – пустой книжный шкаф, стул, двухтумбовый письменный стол и настольная лампа на нем – типа кабинет. Вот и все убранство квартиры. Да... не «Метрополь», однако. Не то чтобы я ожидал роскошных апартаментов, но этот здешний минимализм наложил на преследующий меня последнее время игнор. Никому я не нужен, никто со мной встречаться не хочет. Садись за парту, генерал, и не отсвечивай. Обидно, досадно. Хотя... Сейчас в Белоруссии, по всей видимости, большая драка началась,

---

⁴ В расчетную книжку записывались все выплаты, производимые финчастью офицеру.

и моим московским знакомцам просто не до меня, головняков сейчас у Генштаба и Ставки выше крыши, и некогда им одному из многих генералов сопли подтирать.

Вешаю в шкаф полушубок, ранец туда же, выключаю свет и, не раздеваясь, заваливаюсь на кровать. Лень. Лень раздеваться, лень кровать бельем застилать, есть пока нечего, да и не проголодался еще. Утро вечера мудренее. Посплю, там дальше будем посмотреть. Блин... Будильника-то у меня нет. Просплю – не просплю? Встаю с кровати, раздергиваю шторы, приоткрываю окно. Начнется утром движуха на улице, услышу и проснусь. Выглядываю в окно. Во двор въезжает машина. «Эмка». «Эмка»? Возвращаю голову в тепло квартиры и наблюдаю. «Эмка» тормозит у первого подъезда. К ней от угла соседнего дома бежит мужик. Из «эмки» выходят трое, из водительской двери никто не выходит. Подбежавший жестами указывает на мой подъезд. Троица направляется к моему подъезду. За мной? Ко мне? Зачем? Бандиты? НКВД? Или опять прокуратура? Вряд ли последние двое, но, с другой стороны, мало ли какие установки чекистам могли дать, мало ли чего равнодушные люди про меня могли в прокуратуру настучать. Ладно, посмотрим. Не зажигая свет, на ощупь подхватываю из ванной топорик, ремень с кобурой на плечо и выхожу на лестничную площадку. Тихонечко прикрываю дверь и запираю ее на замок. Теперь тихонечко-тихонечко, на цыпочках на пятый этаж.

Скрипит дверь подъезда. Троица полуночников пытается повторить мой маневр по бесшумному передвижению. Шума почти нет, но вот фонариком они себе подсвечивают, и мне виден их маршрут. Поднялись на третий этаж. Остановились у моей двери. Шепоток. Ковыряются в замке. Бандиты? Не факт. Может, и вполне себе легальная группа захвата. Дверь открылась, и троица заходит в мою квартиру.

Стараясь не шуметь, спускаюсь. Слегка приоткрываю дверь в квартиру и подсовываю под нее носок топора. Теперь дверь особо не откроешь, топор сработает клином. ТТ в руку. Нажимаю на кнопку механического звонка. Звон-перезвон. В квартире – приглушенные матерки.

– Внимание! Работает Московский уголовный розыск, выходить по одному, руки за голову, – подпуская в голос свирепости, ору в квартиру.

– Спокойно, коллеги, свои, госбезопасность, у нас ордер.

Ага, ордер у них. На обыск или на арест? А чего тогда тихарятся и в темноте шарятся?

– Документы предъявите. Один к двери с документами. И свет в коридоре включите.

– Сейчас-сейчас, коллега.

Шепотки, осторожные шаги в коридоре.

– Свет!

– Да-да, сейчас.

В коридоре зажигается свет. Я-то в темноте стою, а вот тем, кто в квартире, на несколько секунд фокусировку собьет. Но полуночный нежданчик с промаргиванием и восстановлением зрения тянуть не стал, а с разгону врезал ногой по двери, примериваясь выскочить на лестничную площадку вслед за распахнутой дверью.

Не срослось. Дверь крепка, и топор надежно ее клинит. За дверью мат в полный голос, видать, хорошенько ногу себе отморозил мужик. В щель между дверью и косяком вижу валяющийся на полу пистолет и ноги завалившегося на пол попрыгунчика.

– Всем на пол, – ору. – Кто дернется – стреляем на поражение!

Из квартиры раздаются выстрелы, в двери появляются дырки. Ах вы ж суки! Получите. Стреляю в щель по ногам неудачного борцуна с дверью. Два выстрела, и не скакать больше зайчишке никогда. Зайчишка орет-визжит и матерится. В квартире какая-то движуха. Нагибаюсь, чтобы вырвать топор из-под двери, и чуть не получаю инфаркт. Мне на плечо ложится рука. Оборачиваюсь. Мужик лет сорока, в галифе, вязаных носках и белой нательной рубахе, в правой руке стволом вверх такой же, как у меня, ТТ.

– Помочь?

Ага, пипифакса принеси! Конечно, помочь!

- Патруль, милицию вызови.
- Уже позвонил. Едут.

Нормуль. Значит, можно не суетиться, не изображать из себя Рэмбу. Приедут специалисты и разурлят ситуацию.

Вдруг в квартире раздается грохот. Ор. Вой. И почему-то вой за окном. Глухой стук упавшего мешка с картошкой доносится с улицы. В квартире нарастающий шум, похожий на звук фонтана. Душераздирающий вой в квартире.

Вырываю из-под двери топор и врываюсь в квартиру. Сапог, пинок, голова. Обезноженный зайчишка успокаивается в углу коридора. Нефиг к пистолету тянуться. В первой комнате дым. Нет. Пар. В клубах пара мечется второй неудачник. Личико ему обожгло. А зачем же было трубу отопления курочить? Замах, топор, бедро. Не, ногу не отрубил. Бил обухом. Пусть хромоножкой поживет, зачем ему летящая походка, когда глазные яблоки в вареные яички превратились?

К окну в комнате не подойти. Из развороченной трубы отопления хлещет кипяток. Выглядываю в окно на кухне. Внизу, на превратившемся в монолитный камень сугробе, лежит тело третьего ночного гостя и не сыгравшие роль спасительной веревки разодранные простыни. Деревня! Кто ж тебя надоумил трубу отопления вместо анкера использовать?

Возвращаюсь в коридор. Нежданный помощник уже крутит-вяжет бандюганов их же ремнями. Уф. Ну вроде усе. Вон и за окном слышен шум подъезжающих машин. Ух ты ж, сколько вас! Первыми до квартиры добежали патрульные из комендатуры, менты следом – они подзадержались под окном у незадачливого стенолаза. Сразу за милицией появились гэбэшники. Опаньки, и не гэбэшники вовсе – «Смерш»! Это я чего-то упустил. Вашу же контору должны были только через месяц создать. Вслух, ясен пень, этого не произношу, но интересуюсь, что за зверь такой? Оказывается, уже два дня как создан единый «Смерш»⁵.

21 марта 1943 года, г. Раков, Белорусская ССР

Гвардии лейтенант Миша Васев уже четыре года как был танкистом, в 39-м на срочку призвали, а с передовой он почти не вылазил с ноября 41-го, с самого начала контрнаступления под Москвой. Тогда он был еще рядовым мехводом, чуть позже стал командиром танка, а сейчас у него под командой целый взвод – три новеньких нижнетагильских Т-34 с весьма полезной доработкой – с командирской башенкой⁶. Танковые батальоны их 23-й гвардейской танковой бригады командование раздергало поротно на усиление стрелковых частей, формирующих внешнее кольцо окружения немецкой группы армий «Центр». А вот 2-я рота 1-го батальона бригады, в которую и входил взвод Миши, угодила в резерв командира 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Правда, прежде чем стать резервом, роте пришлось серьезно попотеть.

Подумаешь, марш в пятнадцать километров от Заславля, где располагалась бригада, до Ракова, вокруг которого были позиции частей 11-й дивизии. Ерунда. Час хода от силы. Но прошлой ночью, уже под утро, когда рота была на середине маршрута, нацисты из Минска решили попробовать на зуб позиции 326-й дивизии, стоявшей на внутреннем обводе кольца окружения.

От Минска на позиции дивизии ломанулись пехотные части европейских союзников Гитлера. Так-то этих датчано-бельгийцев особо не боялись. Вооружение дерьмовое, артиллерии

---

⁵ В РИ – 19.04.1943 года Постановлением СНК СССР на базе Управления особых отделов НКВД СССР были созданы Главные управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» в наркоматах обороны и Военно-морского флота СССР. В АИ – 18.03.1943 года создано единое ГУКР «Смерш» при Ставке ВГК без разделения по наркоматам, начальником «Смерша» назначен комиссар госбезопасности 2-го ранга Виктор Семенович Абакумов.

⁶ В РИ – командирская башенка появилась на Т-34 только летом 1943 года. В АИ – в связи с массовым применением, сначала в бригаде Брежнева, а затем и в других частях РККА, трофейных танков советские танковые командиры оценили удобство командирской башенки и начали массово требовать установку аналогичных на отечественных танках. Первые Т-34 с командирской башенкой начали поступать в войска в начале весны 1943 года. ГГ – к этому руку не прикладывал.

почти нет, пулеметов минимум, танков-бэтээров тоже нет, передвигаются на своих двоих, потому как и автомашин даже в обозе нет. Лошадки, впряженные в телеги, и лошадки для старших командиров – вот и весь транспорт этих завоевателей. Хорошие пулеметно-артиллерийские ротные опорные пункты могли без проблем отражать атаки хоть целого полка этих европейских воинов. Да и дивизию, скорее всего, бы остановили и заставили бы умыться кровью. Но не в этот раз. Видать, европейские нацики со всего Минска и остающейся под их контролем округи белорусской столицы сгребли все авто-мото-тракторное. Потом, после боя, когда удалось поближе рассмотреть побитые вундервафли, обнаружилась даже парочка паровых тракторов, которые иногда еще использовали в деревнях как привод для молотилок или мельниц. Так вот, собрали эти франко-голландцы чуть не три сотни всякого-разного гражданского транспорта, присобачили на него пулеметы-пушки-минометы и ломанулись без артподготовки через подмерзшие к утру поля на позиции одного из полков 326-й дивизии. Грузовик с малокалиберной пушкой в кузове или легковушку без крыши, но с пулеметом остановить не проблема, если ты в окопе да с пулеметом, особенно если с крупнокалиберным. Но вот если эти вооруженные каракатицы лезут-ломаются из всех щелей, если и сосчитать их даже не получается – вот тогда действительно проблема. Первые ряды авто-мото-недотанков наши стрелки остановили, но слишком густо было этих недоразумений, мешают они целиться в идущих следом. А следом кроме таких же эрзац-тачанок лезет еще и обычная пехота и тоже прикрывается дымящимися трупиками изделий гражданского автопрома. В общем, добрались евроокупанты до нашей первой линии окопов. Рукопашная. Штыки-гранаты, лопатки-приклады. До хрена нациков было. Потом прикинули – минимум три дивизии. Против полка! Правда, полк тот не осени 41-го. В нем все как положено. Батареи 45-мм и 76-мм пушек, батарея 120-мм минометов, в батальонах полка минометные и пулеметные роты и взводы 45-мм пушек, и даже в обычных стрелковых взводах имеются минометные отделения. Накрошил полк оккупантов от души, но уж слишком много было фашиков. Добрались-добежали они до наших окопов и захлестнули советских бойцов волной безумной. И реально замаячила перспектива прорыва внутреннего кольца окружения. Вот тут-то командование и сдернуло с маршрута роту, в которой служил Мишка, затыкать-разруливать проблему.

Сто 76-мм снарядов и чуть более трех тысяч 7,62-мм пулеметных патронов в каждом из десяти танков роты. Круто. Круто было бы, если все снаряды были бы осколочно-фугасными или картечными, ну или шрапнельными. Но рота готовилась отражать удар немецких панцеров снаружи кольца, и большая часть боекомплекта была из бронебойных снарядов. Автотачанки бронебойным снарядом прошивались насквозь, но эти же снаряды были абсолютно бесполезны против пехоты. Уже на рассвете, когда стало понятно, что отбили, что наступательный порыв нациков выдохся, танкистам пришлось работать гусеницами. Патроны в пулеметах кончились, снаряды – только подкалиберные остались, и как таким снарядом по бегущему пехотинцу стрелять? Вот и пришлось погоняться, по заставленному коптящими небо авторазвалинами полю, за разбегающимися нациками. Изредка на броне танка что-то бухало. Тихонечко. Это особо отмороженный бельгиец или француз пытался исподтишка поразить советский танк противопехотной гранатой. Безумству тупо-тугоголовых спюют песню в Париже и Брюсселе. Позже. Когда вести о бойне-катастрофе дотуда дойдут. А бойцы 326-й стрелковой дивизии поутру считали трупы европейцев и остовы евротачанок. Как отмечалось выше, ранее едздящих развалин насчитали под три сотни. Трупов – больше восьми тысяч. Больше – потому что комдив больше считать не разрешил и отправил счетчиков восстанавливать порушенные оккупантами позиции, хотя новые окопы уже капало около трех тысяч пленных.

Авиация? Где была авиации? Наша или немецкая. Уже несколько дней как погода была откровенно нелетной. Низкие-низкие тучи, из которых периодически выпала то мелкая снежно-ледяная крупа, то мелко-противная водяная взвесь. Вот и не было авиатехники у обеих сторон. И не было авиаразведки.

Вот так. В Раков рота прибыла только накануне вечером. Без потерь прибыла. Но с расстрелянным в ноль боекомплектom и с минимумом солярки в баках. Хорошо, что у стрелков-пехотинцев пушки теми же снарядами стреляют, что и танкистам нужны. Поделались полковые артиллеристы снарядами, отсыпала пехота патронов к пулеметам, а к утру и заправщики из бригады добрались – наполнили пересыхающие баки. Теперь жить можно. Поспать бы еще. Да какой там! Всю ночь провозились с сортировкой и погрузкой привозимых вразнобой пехотой снарядов да обслуживанием-ремонтom танков. Ничего серьезного, но вот приборы наблюдения повреждены были почти на всех танках, евраонацики, не имея чего-то серьезного для борьбы с «тридцатьчетверками», массово пытались покалечить прицелы-триплексы танков огнем из стрелковки. Хорошо, что на заводе запас триплексов⁷ в возимый ЗИП⁸ отсыпали щедро. Поесть-поспать? Поесть удалось, поспать – нет. Ротного в штабе дивизии предупредили, что дивизионная разведка фиксирует выдвижение немецкой мотопехоты и танков к позициям дивизии со стороны Воложина. Видать, наконец-то решились немцы на деблокирующий удар, не стали ждать улучшения погоды, попрутся без предварительных авианалетов.

Позиции 11-й дивизии хороши. Всего двенадцать километров от Ракова на востоке и до Рудни на западе, по южному лесистому берегу речушки Исlochь. За Рудней – болота, при всем желании не пройдут там немцы. А за Раковым уже другие наши дивизии стоят. К северу от Исlochи по большей части поля, перемежаемые небольшими рошицами. Почти все рошицы от берегов реки на полтора-два километра отстоят. И эти полтора-два километра немцам придется пройти под огнем частей дивизии. И никак от этого им не уклониться. Немного дорог тут к Минску ведет, и стиснуты они все лесами и болотами. Вот так и здесь. Дорога на Минск вдоль северного берега реки идет, и не пройти по дороге, пока советских бойцов от речки не отбросишь. И севернее, вдали от реки, немцам не пройти – там опять леса-болота начинаются. Так что будут немцы сначала пытаться отбить южный берег реки, а потом уж по дороге ломанутся к Ракову и далее на Минск.

Сидит Мишка у танка, спрятанного под деревьями небольшой рошицы, слушает канонаду. Мехвод принес в котелке чайку. Хорош чаек, ароматный, с травками, из Грузии недавно посылки в бригаду привезли от тамошних колхозников. Кроме чая в тех посылках еще различные сухофрукты были. Начмед бригады говорил, что полезны они для глаз. А глаза для танкиста очень нужны. Зоркие глаза! Первый увидел вражеский танк или пушку – значит, жив будешь, проворонишь противника – пипец тебе. Прошли времена, когда у немцев только слабые «колотушки» были. Сейчас у них вполне себе серьезные орудия имеются и в противотанковой артиллерии и на танках, если попадут, то почти точно тебя подбьют. Это, конечно, про собственно немцев. У их союзников с противотанковыми средствами пока не очень. Но, судя по всему, сегодня в бой идут именно что немцы. Так что закусывает Мишка чаек сухеными кавказскими вкусняшками, готовится к бою. Дай бог, чтоб до боя не дошло. Нет, не трусит лейтенант, нет. Просто если их роту куда в бой сдернут, то это значит, что там совсем плохо, что там наши не могут самостоятельно удержаться, что слишком силен на том участке противник и без помощи резерва не удержаться пехоте.

Дело шло к полудню. От соседней рошицы, где располагался штаб стрелковой дивизии, примчался снегоход. Начали недавно такие мотоциклы, поставленные на лыжи и гусеницы, поступать в гвардейские части. Удобно и быстро, почти по любому зимнему бездорожью гоняют. Водитель снегохода забрал ротного и, газанув, умчал обратно в штаб. Ага. Сейчас командиру задачу нарежут. Сворачиваем костерки-перекусы, экипажи к машинам, а коман-

⁷ Так танкисты называют перископические приборы наблюдения экипажа.

⁸ ЗИП – запасные инструменты и принадлежности. Запчасти и расходники, входящие в обязательную комплектацию техники.

диры взводов подтягиваются к танку ротного. Ждем. Через минут десять снегоход возвращает ротного.

Хорошие новости. Наши везде держатся. Вот только у немцев работает пара-тройка стопятидесятимиллиметровых гаубичных батарей. Не достать их никак, сильно мешают они нам. Поэтому танковая рота стартует с северной окраины Ракова, не дошли туда еще немцы, и через ближайшую рощу уходит в рейд по немецким тылам. Нет здесь еще сплошных порядков у немцев, можно проскочить и поискать их артиллерию. Задача поставлена, цели определены, за работу, товарищи!

– По машинам!

И рванула рота по подтаявшие-раскисшим полям навстречу врагу. Исlochь пересекли по мосту у Ракова и сразу углубились в лесок. Пришлось попотеть механикам, петляя между деревьями, но справились – выскочили на северную опушку рощи. Притормозили. Ротный и взводные из люков вылезли, в бинокли рассматривают местность. Поле, в поле хуторок погорело-разваленный, за хуторком опять лесок-роща. Немцев не видно. Ну, что, рванули? Ротный дает команду по радио. Сначала взвод Мишки пойдет до развалин хуторка. Там за развалинами тормознется-спрячется, и тогда остальная рота подтянется. Зачем такие сложности? Да вот не нравится ротному опушка леса за хутором. Хорошая там позиция для противотанкистов. Не стоит сразу все танки под их возможный огонь подставлять.

Мишкин танк по центру, второй-третий танки взвода оттянулись вправо-влево на сто метров, и вперед, на максимальной скорости к хутору. Выстрелов от рощи нет. Может, и нет там никого? Хорошо бы. Рота подтягивается к хутору, обходит его справа-слева – и к роще. Твою ж!.. Вспышки-выстрелы с опушки. Суки. Искры от попаданий-рикошетов на броне танков.

– Вперед! Вперед! – орет по радио ротный.

До позиций немецких противотанкистов всего метров пятьсот. Не расстрелять их изда-лека. На равных придется перестреливаться. Так лучше рывком преодолеть эти сотни мет-ров и гусанками подавить немецких канониров. Мишка приник к МК-4⁹. Что за черт? Про-пала роща, не видно немецких пушек. Ага, это мехвод в ложбинку-промоину въехал. Удачно. Длинная ложбинка и выводит Мишкин танк во фланг, даже почти в тыл немецкой позиции. Получи фашист гранату! Ну, то есть осколочно-фугасный снаряд. Шесть спешно зарытых в землю пушек, столько же ганомогов с пулеметно-пушечными довесками в кузовах и до роты пехоты. Ну, ща мы вам! Выстрел. Еще. Еще. Пушки уничтожены, половина бэтэров горит. По радио переключка в роте. Два танка подбиты. Еще один застрял с разбитой гусанкой. Рота продолжает давить немцев, а вырвавшемуся вперед Мишке ротный отдает приказ идти дальше. Оставшихся немцев и так без него додавят.

Мишка уводит свой танк вперед, на северо-запад, по опушке леса. Параллельно опушке идет грунтовка. Немцев не видно. Перекресток. Танк выскакивает на него. Мишка хотел дать команду мехводу заглушить движок, надо прислушаться, сориентироваться, откуда слышны выстрелы немецких гаубиц. Хотел. Не успел. Взгляд вправо, на уходящую в лес дорогу-про-секу. Опана. Прямая как стрела просека, а по ней ползут двенадцать грузовиков. Да не про-стых. Тащат на прицепе легкие 10,5-см гаубицы. Артдивизион немецкой танковой дивизии пытается найти себе позиции. Красавцы! Огонь по дальнему, чтобы не убежали. Есть! Заблоки-рована просека. Теперь с расстановочкой по затормозившим машинам. Один за одним шесть осколочно-фугасных, затем добавляем еще штук пять картечных. И нету боле у немецкой дивизии артдивизиона. Горит-коптит и взрывается-детонирует он. Победа? Нет. Задача была найти и уничтожить стреляющую артиллерию противника, а эта только на позиции выдвига-лась. Продолжаем искать дальше. А что там с родной ротой? Где они застряли? Связь с рот-ным. Твою ж!.. «...Мать-мать-мать», – разносится радиоэхо. Не успела рота додавить немцев.

---

⁹ Командирский перископический прибор наблюдения на Т-34.

Откуда ни возьмись выскочил на подмогу своим канонирам десяток приземистых «плугов». Против шести оставшихся в строю «тридцатьчетверок». Вернуться и с тыла помочь своим? Хрена! Ротный матерится и приказывает продолжить поиск немецких гаубиц. Приказ есть приказ. И Мишкин танк уходит дальше.

Лес закончился, дальше дорога километра полтора идет по полю. Вдали, слева от дороги опять лес. И вроде бы как из-за того леса и слышны звуки гаубичных выстрелов. Ну, что ж, рванули туда. Почти добрались до того леса. Навстречу выскакивают два мотоцикла. Наводчик и мехвод реагируют синхронно. Очереди из курсового и спаренного пулеметов дырявят железных коней и их седоков. Танк, не сбавляя скорости, плющит-давит металло-органические трупы. Опачки! Почти сразу из-за скрытого лесом поворота выскакивают два ганомага и две легких «праги». Вроде бы разведка или ГПЗ немецкой мотопехотной или танковой дивизии. Но что она делает позади своей же артиллерии? Или это уже дивизия второго эшелона выдвигается? Да по-хрен, некогда разбираться. В пять выстрелов советские танкисты разбираются с немецкой легкой броней. Суки! Последним разрешенным выстрелом чешско-немецкий танк сбивает «тридцатьчетверке» гусеницу. И нету удовольствия от того, что после этого почти сразу «прага» превращается в костер. Хуже нету темы, как оказаться в тылу у врага обездвиженным. Наводчик на всякий случай приглаживает горящий немецкий металлолом картечью. Экипаж, к машине! Наводчик на месте, бди! Мехвод, заряжающий и Мишка выпрыгивают из танка. Быстрее-быстрее! Катки, ленивец – целы. Уже хорошо. Только гусанку натянуть, заменив два разбитых трака. Делов-то. Сотню раз такое отработано. Но, блин, не в тылу у немцев! Нервы-эмоции! Ломку-валда. Выбиваем пальцы¹⁰ из разбитых траков. Запасные – на освобожденное место. Опять кувалда. Вбиваем-заколачиваем пальцы. Ослабляем ключом ленивец. Иначе гусанку не натянуть. Мехвод прыгает на свое место. Танк потихонечку сдает назад. Оп. Есть. Можно соединять гусанку. Ломиком Мишка с наводчиком приподнимают нижнюю ленту гусеницы, а выскочивший опять из танка мехвод кувалдой забивает в траки последний палец. Осталось подтянуть ленивец, натягивая тем самым гусеницу.

Молодцы. Перекрыли все нормативы. На учениях комбриг грамоту бы дал. А сейчас не надо экипажу грамоты, живы-здоровы, танк боеготов, и слава богу. По местам! Вперед-вперед! Там немецкие гаубицы ровняют с землей нашу оборону. И несется дальше одинокая «тридцатьчетверка». За поворотом дороги, справа в полукилометре деревушка. Там какое-то шевеление. Пехота немецкая между домами бежит. Притормаживаем. Закидываем туда три-четыре шрапнели. В ответ? Ответа нет. Нету там у немцев артиллерии, ну хрен с вами. Не до вас Мишке сейчас. Потом разберемся. Газу-газу на звуки гаубичных выстрелов. Лес слева закончился. Поворот влево. По полю вдоль опушки. Там впереди ухают-бухают гаубицы. Километр по раскисающему полю, очередной изгиб леса, и вот они, родимые. Ага, сейчас будем учить вас рожать! И родят сейчас прусские канониры страх, ужас и фекалии. Двенадцать пятнадцатисантиметровых гаубиц расставлены в шахматном порядке на обширной поляне, под деревьями спрятались грузовики-тягачи со снарядами. Кипит работа. Бегают подносчики снарядов, командир дивизиона в штабном бэтэре приник к наушникам радиации, командиры батарей орут команды-целеуказания, наводчики крутят маховички наводки, командиры орудий по готовности дают отмашку на выстрел. Дивизион ведет беглый огонь. Грохот выстрелов, дым от сгорающих в стволах зарядов, вязко-туманная морось с неба. Красота! Нет никому из фрицев дела до выскочившей к ним в тыл «тридцатьчетверки». Изумительно! Как на полигоне. Даже лучше. До самой дальней гаубицы и километра не будет, ближняя метрах в трехстах. Ну, начали. Пошла потеха. На шестом выстреле по броне танка пошел перестук. Твою ж!.. Очередь из малокалиберной зенитки. Ага, увлекся Мишка. Не такие уж дебилы немцы, прикрывают они свою

¹⁰ Для гражданских «палец» – это такой металлический штырь, который вставляют в проушины двух соседних траков, тем самым соединяя их.

артиллерию от атаки с воздуха, да и по земле зенитная батарея работать может. Хорошо, что вроде бы ахт-ахтов здесь нет. Ну, что ж, маневр и скорость. И огонь. Из пулеметов, из пушки. Кидаем снаряды по всему, что шевелится, ответом получаем морзянку разрывов-рикошетов на броне. Только несколько минут длилась та беседа. Тридцать выстрелов и пять минут. И вот она – Победа!

Что удивительно – танк на ходу и в боеукладке еще кое-что есть. А немецкого дивизиона – нет. Орудия разбиты, грузовики весело горят и иногда разлетаются запчастями по округе от детонации сложенных в кузовах снарядов, штабной и радиный бэтээры превратились в сырье для мартенов или домн. Счастливые недобитки попрятались в лесу. Ну, что? Задача выполнена, что дальше? Связь с ротным. Рация хрипит и отказывается озвучивать что-либо членораздельное. Хреново. Антенну сбили гады. Ладно, обойдемся. Два дивизиона одним танком покروшили. Круть! Вот только у немцев в дивизии три дивизиона по штату. Третьего дивизиона пока не слышно. Пока. В любой момент он может начать стрелять. И где его искать? Погода портится. Облака все ниже. Из них сыпет мелкий дождь вперемешку со снежной крупой. И вся эта гадость у земли смешивается с поднимающимся туманом. Видимость меньше километра. Метров семьсот от силы. «Тридцатьчетверка» проходится прощальной очередью по опушке леса и, развернувшись, уходит в туман. Мишка достает из планшетки карту. Где искать немцев? Ага, два-три километра на запад.

Там тупик узкоколейки и сходятся в одну две грунтовки. Может, там чего интересного увидим? Погнали. Перед тупиком и перекрестком холм. Танк забирается на него. Ни черта не видно. Туман. Не молоко даже – кефир. Мехвод глушит движок. Тыдыңц!

Со стороны узкоколейки гул множества работающих двигателей. Грузовики? Танки? Не разберешь, пока не подъедешь. Помаленьку танк начинает спускаться с холма. Мишка, высунувшись из башни, напряженно вглядывается в туман. Хренак! Мишка от удара чуть не вылетел из люка. На дороге стоял ганомат. Стоял. Теперь лежит на боку в придорожной канаве. Очумелый немецкий экипаж пытается выбраться из покалеченного драндулета. Мишкина рука ныряет в люк и выхватывает из укладки гранату. Получи «фашист» гранату! Неча поперек дороги стоять. Еще несколько метров вперед, и танк выкатывается из тумана. Сколько же вас тут! Мамочки! На небольшом пятачке у у-образного перекрестка и расположенного рядом тупичка узкоколейки чуть не под сотню различных машин столпилось. По всей видимости, здесь разгружался с платформ стоящего здесь же эшелона тот самый третий дивизион легких гаубиц. Машины немецких артиллеристов забили собой пятачок вокруг перекрестка, а тут к перекрестку подошла своим ходом еще какая-то тыловая колонна. Не разъехаться тыловикам с артиллеристами. Ну, ничего, сейчас мы вам поможем.

В боеукладке сорок пять снарядов осталось и девятнадцать дисков к пулеметам. Хватит ли на всех? Посмотрим. Картечь. Шрапнель. Осколочные. «Тридцатьчетверка» стреляет с места. Мишка боится сдвинуться с занятой позиции. Уж очень она хороша. Тепло работающих немецких моторов разогнало над перекрестком туман, и со склона холма прекрасно видна вся эта машинная толпа. Спуститься ниже – и будут видны только передние ряды, двинуться вправо-влево – опять провалишься в туман. Поэтому стоим на месте и с максимальной скорострельностью выпускаем в гигантский автозатор снаряд за снарядом. И надеемся, что не смогут, не успеют немцы развернуть в сторону охреневшей «тридцатьчетверки» что-то действительно крупнокалиберное.

– Командир, остались только бронебойные! – раздается в наушниках шлемофона доклад заряжающего.

– Сколько?

– Двенадцать.

– Еще пять выстрелов, и дальше работаем пулеметами.

Но и диски подходят к концу. Два всего осталось. А у подножия холма – апокалипсис вперемешку с локальным армагеддоном. Но есть вроде бы еще не покалеченная техника внизу.

– Механик, вперед! Дави их гусеницами.

И продолжилась потеха. Нечего обозу противопоставить бронированной тридцатитонной машине. Рычит танк, трясет экипаж на превращаемых в блинчики европейских грузовиках, разбегаются в панике обозники. Уф, прошли насквозь дымяще-горящую автосвалку. Разворот. Повторим. И вот Мишкин танк опять на холме. Смотрит Мишка на дело рук экипажа, пушки и гусениц танка и глазам своим не верит. И это все мы? Как в рапорте это все описать? Какой штабной в это поверит? Писаря засмеют-задразнят, ославят фантазером. Ну, да ладно. Перетопчемся.

Снаряды на исходе, но с топливом пока еще все в порядке. Возвращаемся. Остатки своей роты Мишка встретил у той деревеньки, что он обстрелял перед уничтожением дивизиона тяжелых гаубиц. 11-я гвардейская стрелковая дивизия, перемолов немецкие «Панцеры» и самоходки, перешла в наступление и к исходу дня дошла до того самого узкоколейного тупичка. Командиры и штабные были удивлены до охречения, но кучи дымящегося металлолома подтверждали доклад гвардии лейтенанта Михаила Александровича Васина. Весь экипаж танка был представлен к званию Героя Советского Союза¹¹.

21 марта 1943 года, г. Борисов, временно оккупированная территория Белорусской ССР

Прошло уже четыре дня, как командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ханс фон Клюге¹² вернулся из Берлина. Целую спецоперацию пришлось придумывать для вполне себе рутинной в недавнем времени поездки. Сначала за фельдмаршалом из Берлина прислали личный «Кондор» фюрера, но сам вид огромного самолета над лесами, заполненными русскими бандитами и диверсантами, подсказал русскому командованию, что на борту авиалайнера будет что-то интересное. Парни из Абвера настоятельно не рекомендовали лететь в Рейх этим бортом. И оказались правы. Когда фельдмаршал вылетел в Берлин на высотном разведчике Ю-86R-1, одновременно в Германию был отправлен и борт фюрера в сопровождении двух истребительных эскадрилий. И что бы вы думали? Русские как будто ждали. «Кондор» и еще чертова дюжина самолетов сопровождения были сбиты русскими истребителями в окрестностях Минска. Обратно, в котел, Клюге, естественно, тоже вернулся на том же высотном «Юнкерсе».

Честно говоря, фельдмаршал ничего хорошего от вызова в Берлин не ждал. Скорее всего, снимут с должности. Как же – провалил наступление на Киев и допустил окружение своей же группы армий. Конечно, по сравнению с катастрофами на юге и в Прибалтике положение группы армий «Центр» не так печально. Ага. Она еще существует! Так что концлагерь фельдмаршалу, скорее всего, не грозил. Отправят на пенсию, ну и ладно.

Но, к удивлению Клюге, фюрер почти не предъявлял претензий к фельдмаршалу, ведь он стал заложником предательства командования южной и северной группировок вермахта. Теперь вся надежда рейха на стойкость и мужество самой мощной группировки вермахта. Группу будут выручать. Воздушный мост уже действует. Вермахт готовит деблокирующие удары. Этими же ударами должна быть окружена и разбита группировка русских к западу от Минска. Сразу после разблокирования железнодорожного сообщения между рейхом и группой

---

¹¹ Фантастика? Отнюдь! Такой бой был в реальности. Только в декабре 1943 года и не под Минском, а под Витебском. Гвардии лейтенанту Михаилу Александровичу Васеву (1919–1999) за тот бой было присвоено звание Героя Советского Союза, а члены экипажа получили ордена Славы. К сожалению, автору не удалось разыскать фамилии членов экипажа этой отморозенной «тридцатьчетверки».

¹² Ханс Гунтер Адольф Фердинанд фон Клюге (30.10.1882–19.08.1944) – германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940), в 1941–1943 гг. – командующий группой армий «Центр». После провала покушения на Гитлера в 1944 году отравился, по другой версии – убит с инсценировкой самоубийства после ареста.

армий в группу пойдут пополнения и новая техника, новые танки Т-V и Т-VI, новые самолеты. Сейчас усилить группировку люфтваффе в котле нет возможности. Самолеты-то прилетят, но запаса горючего там для вновь прилетевших просто нет. И задача на перспективу – как только высохнут дороги, мощным ударом от Смоленска пробиться к Москве. Ключе успех такой операции расценивал весьма скептически. Нам бы кольцо окружения прорвать! И вообще, фельдмаршал уже не первый месяц подумывал о том, что пора бы уже прекращать эту войну. Пока вермахт еще стоит на территории Советов, можно с ними поторгаться. Дальше будет только хуже¹³. Гитлеру Ключе, естественно, про свои скептические думки не рассказывал, но, наслушавшись пустых восторженно-оптимистических обещаний-призывов, почти решился начать деятельно помогать группе заговорщиков, о которой он знал, но пока не участвовал в ее деятельности. Почти решился. Почти.

– Нам надо продержаться в России шесть месяцев, максимум до конца года – и победа у нас в кармане! – восторженно воскликнул тогда фюрер. – И вы, фельдмаршал, должны дать рейху эти полгода!

– Так точно, мой фюрер! – Солдафонским ответом Ключе попытался замаскировать сомнения и скепсис.

Гитлер все же был неплохим психологом и заметил неуверенность фельдмаршала.

– К осени у нас будет оружие нового поколения! Наши ученые разработали мощную ракету, которая сможет поражать противника на дистанции в несколько сотен километров, а может быть, и в тысячу! Благодаря нашим английским союзникам у нас теперь в достатке урана, и к той же осени у нас будут бомбы невиданной мощности. Один бомбардировщик или одна ракета сможет уничтожить целый город!

Опять вундерваффе? Все у нас будет, только позже... Вот только это «позже» никак не наступает. Скепсис фельдмаршала не проходил. Но... после встречи с фюрером Ханса Ключе отвезли на экскурсию на ракетный завод и завод по обогащению урана. Фельдмаршал ничего там не понял, кроме того, что денег и ресурсов в новые проекты вбухано немерено. А вот разговоры на тех заводах с учеными-конструкторами-инженерами все же смогли рассеять скепсис фельдмаршала. Похоже, действительно, если ракетный и урановый проекты сработают, то у рейха есть шанс выпутаться из печального положения и даже появится шанс на победу в войне с русскими. Главное, чтобы у русских не было аналогичных проектов.

Вернувшись в котел, командующий, кроме подготовки к прорыву кольца окружения, стал готовить войска не к очередному походу на Москву, а к активной обороне. Зачем нам Москва? Если через полгода мы ее все равно сожжем урановыми бомбами и ракетными ударами.

За пару дней прорыв из котла не подготовить. Естественно. Естественно, прорыв начали готовить в тот самый день, когда замкнулось кольцо окружения. Но легко нарисовать стрелочки на картах, можно пофантазировать и подписать под этими стрелочками номера соединений, а вот перебросить эти соединения к месту, с которого начнется удар, – сложнее, еще сложнее обеспечить эти соединения всем необходимым для этого удара. Особенно сложно это, если соединения находятся внутри кольца окружения и с ресурсами не очень...

Ресурсы-ресурсы. В группе армий «Центр» на начало весны 43-го года было около семи сотен танков, это не считая тех, что должны были повернуть на Украину. (Хотя уже их и не считали. Сгорели «Панцеры» во встречных боях во время русского прорыва к Минску.) Моща! Половина из них легкие. Ну... иногда легкий танк может быть полезнее медлительного тяжелого, особенно если этот легкий танк окажется в тылу противника. К сожалению, о рейдах

---

¹³ В РИ – штаб (часть офицеров штаба) группы армий «Центр» стал одним из организационных центров по подготовке заговора против Гитлера. Правда, заговорщики собирались замирились с Англией и США и совместно с ними продолжить войну с СССР. В АИ – заговорщики, видя, что даже союз с Англией не особо сказывается на выправлении катастрофического положения на Восточном фронте, начали задумываться над скорейшим заключением мира с СССР, с тем чтобы сохранить хотя бы европейские завоевания рейха.

по не готовым к обороне русским тылам пока не приходится даже и мечтать. Печально другое. Почти половина всех наличных танков группы выработала свой моторесурс и может быть использована только как неподвижные огневые точки. И почти все эти неподвижные танки в восточном секторе обороны группы. Отремонтировать? Теоретически можно. Специалисты есть. Нет моторов и КПП. Можно самолетом привезти. Можно. Только при грузоподъемности основного транспортника люфтваффе Ю-52 в полторы тонны в каждую «тетушку Ю» поместится не более одного опять же основного танкового мотора фирмы «Майбах». За коробкой передач надо посылать еще один самолет. Итого, чтобы поставить на ход все танки, надо будет совершить семь-восемь сотен авиарейсов. И это при том, что рейх совместно с Англией смогли наскрести всего шесть сотен транспортников для воздушного моста. Всего около тысячи тонн грузов в лучшие сутки доставляется на аэродромы котла. При ежедневной потребности в снабжении группы армий под пятьдесят тысяч тонн. Остановить этот слабенький ручеек на пару дней ради восстановления подвижности танков? Можно. Но с учетом хреновой, откровенно нелетной погоды, что установилась почти над всей Белоруссией с начала марта, – нереально. Хорошо, если в один день из трех получается принять заявленное число бортов. В остальные дни летают только особо опытные экипажи – дай бог тридцать-пятьдесят машин в сутки. Так что ручеек снабжения надо будет прикрывать ради танковых моторов на неделю или даже больше. Нет, нереально это. Так что неподвижные танки пушай стоят в своих окопах до лучших времен.

Остается еще три с половиной сотни танков. Тоже неплохо. Только вот они опять, черт возьми, на самом востоке котла. По местным дорогам это под пятьсот километров своим ходом до Минска. Все, что доедет до Минска из-под Смоленска, Витебска и Рославля, будет практически не боеспособно – закончится моторесурс и у этих путешественников. И это не говоря о прорве топлива, которое необходимо для такого марша. А с топливом все печально в котле. Так зачем своим ходом? Отправить по железной дороге. Свинская собака! Зачем вспомнил? Отправили из Орши эшелон с четырьмя десятками «четверок» в Минск. Сучьи бандиты!

Отправили этот эшелон под откос. Да еще и место выбрали такое... Хрен туда на чем подъедешь. Кругом болота. Танки лежат под насыпью и медленно погружаются в болото. Два дня пытались туда подогнать железнодорожные краны. Так бандиты на эти три крана настоящую охоту устроили. Когда на вторые сутки один из кранов все же добрался до места диверсии и собрался начать поднимать-вытаскивать танки из болотной жижи, прилетели русские бомбардировщики. Отбомбились так, что поднимать что-либо из болота стало бесполезно. Да и саму насыпь пути с болотом сровняли. Неделю уже саперы возятся – не могут восстановить движение на линии Минск – Орша.

И кабы это было все. Был еще налет тяжелых американских «крепостей» на Могилев. Там, кроме сгоревших армейских складов, был выведен из строя весь железнодорожный узел. И повезло же! Как раз в это время там в эшелон грузился сводный танковый батальон. Десять «четверок», двенадцать «троек» и восемь почти новых «тигров» было списано в утиль после этого налета.

Вот и осталось в группе армий двести семьдесят шесть боеспособных танков. 15 – «Тигров», 4 – «Пантеры», 98 – «четверок», 103 – «троек», 49 – чешских «Праг» и семь штук пока еще ездящего франко-шведского барахла. Из всего этого богатства отобрали полторы сотни наиболее не потрепанных, закинули им на борт спешно снятые с других танков запчасти и агрегаты, заправили топливом, собираемым канистрами по всем частям группы, и отправили ночными маршами к Минску. Дошло 124 танка. Бандиты-диверсанты из местных дремучих лесов никуда не делись. Диверсии-обстрелы сопровождали танковые колонны буквально на каждом километре. Хорошо, хоть почти все потерянные танки из числа «троек» и «праг». Все доехавшее до Минска «панцервоинство» спешно отремонтировано и обслужено.

Но есть же еще в частях «штуги». Почти шесть сотен. Так с ними та же ситуация, что и с танками. Выработка ресурса, отсутствие запчастей, хронический недостаток топлива. Тот же вид, только в профиль. И особо из частей их не заберешь. На «плугах» вся оборона держится. Изымешь их, и посыпется оборона. Так что к Минску удалось только семьдесят пять самоходок перебросить.

Если бы все проблемы группы армий «Центр» ограничивались только недостатком ресурсов! Русские! Нация бандитов и варваров! У русских абсолютно отсутствует понятие о правилах войны! Над городами и деревнями, находящимися под контролем группы, миллионами разбрасываются листовки, обращенные к аборигенам, особенно к аборигенам, проявлявшим сознательность и оказывающим помощь оккупационной администрации. Вот как это понимать? «Если ты хочешь искупить вину перед Родиной – приведи с собой в партизанский отряд двух пленных немцев или принеси две немецкие солдатские книжки и две головы этих солдат». И так низкие моральные качества местных полицейских формирований после окружения упали ниже плинтуса. А тут еще это. Полиции и хиви массово дезертируют и уходят к партизанам. Так же массово начали пропадать военнослужащие из тыловых служб и гарнизонов. Страшно подумать об их судьбе.

Приказ об изъятии у местного населения продовольствия для пополнения армейских запасов не выполняется. Почти все деревни опустели. Жители массово уходят в лес к партизанам, угоняют туда же остатки домашнего скота, уносят с собой или уничтожают запасы продуктов. Теперь в деревнях даже охапки сена для лошадей не найти. В воздухе стоит смог от сжигаемых стогов-сеновалов. Как можно воевать в такой стране?

А тут еще Зейдлиц!¹⁴ Предатель! Лично лазит по русским окопам и через громкоговоритель призывает солдат вермахта сдаваться в плен. Передовая просто завалена листовками с призывами сдаваться за подписью этого предателя. Конечно, по большей части эти листовки используются вместо пипифакса или для розжига костров. Но... Ежедневно в подразделениях на передовой недосчитываются по несколько сотен солдат¹⁵. Зафиксированы случаи, когда русские отпускают пленных солдат, после чего те переходят линию фронта и ведут агитацию в своих подразделениях. И только в единичных случаях такие предатели-перебежчики сдаются сознательными солдатами своему командованию¹⁶.

С авиацией совсем плохо. Горючего нет. И когда небо позволяет летать, русские резвятся над позициями группы как хотят. С земли им помогают находить цели русские же диверсанты. Поначалу пытались бороться с такими авианаводчиками. Пеленговали их радиостанции. Но опять «но»... Очень часто вместо русского радиста егеря находили в каком-нибудь сарае или под пеньком в лесу работающую в автоматическом режиме радиостанцию, вдобавок еще и заминированную. Русские откровенно издеваются. По ночам их легкие бомбардировщики засеивают леса и поля такими рациями. И поисковые группы сбиваются с ног, гонясь за такими пустышками. Да, с ног сбиваются. Буквально! Ведь в тыловых частях почти не

---

¹⁴ Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах (22.08.1888— 28.04.1976) – немецкий военачальник, генерал артиллерии (1942). Во время Сталинградской битвы командовал 51-м корпусом в армии Паулюса. После окружения 6-й армии выступал, вопреки приказам Гитлера об удержании Сталинграда, за немедленный прорыв. В РИ – 25 января 1943 года посчитал, что возможности для сопротивления исчерпаны, и разрешил подчиненным ему командирам самостоятельно сдаваться в плен. Сдался в плен 31 января вместе со штабом 6-й армии. В плену, считая, что в гибели 6-й армии виноват Гитлер, сразу пошел на сотрудничество с НКВД. Осенью 43-го года был организатором «Союза немецких офицеров» и стал его председателем. Чуть позже стал заместителем председателя прокоммунистического национального комитета «Свободная Германия». Принимал активное участие в пропагандистских антифашистских мероприятиях Советского командования.

¹⁵ Существуют различные оценки. Но, плюс-минус лапоть, можно сказать, что в РИ от половины процента до двух процентов солдат вермахта, попавших в плен, сделали это добровольно. Для двухмиллионной группы армий «Центр» – это от десяти до сорока тысяч человек, или одна-три дивизии. Есть от чего за голову схватиться командующему.

¹⁶ И опять не фантастика! Реальность. Советское командование практиковало такую работу. Особенно часто это использовали на северо-западе советско-германского фронта в 43—44-х годах. И как ни странно, действовало. Ротами немцы, конечно, не сдавались, но зафиксированы случаи, когда один «агитатор» приводил с собой для сдачи в плен по 10–15—20 сослуживцев.

осталось исправного автотранспорта. Если еще несколько месяцев назад бандиты вели, как они сами говорили, «рельсовую войну», то теперь к этому добавилась «моторная война». Бандиты почти перестали вступать в боестолкновения с частями по охране тыла и с полицейскими подразделениями. Они устраивают засады на автотранспорт. Массово. Нет, больших потерь в личном составе такие засады не приносят. Там всего-то пять-десять выстрелов со стороны бандитов. И все эти выстрелы нацелены в моторы машин. Одна засада, и одна-две-три машины начинают ждать поставки нового двигателя из рейха. Мелочь? А если таких засад несколько сотен в день? И что в результате? В результате почти всякое движение транспорта вне больших колонн парализовано. Большие колонны тоже не спасение. Русские диверсанты не упускают возможности наводить свою авиацию на такие колонны. Прикрыть-то с воздуха эти колонны нам почти нечем.

А как и чем может помочь рейх окруженным? Ну, кроме воздушного моста. В Лиде и Слуцке закончили подготовку к удару на Минск два смешанных германо-британских танковых корпуса. По двести шестьдесят английских, немецких и чешских танков и сто десять САУ в каждом. Да, сто десять САУ, не «Штугов»! Потому что почти вся самоходная артиллерия в этих корпусах представлена английскими самоходными орудиями на автомобильном шасси¹⁷. А куда же делись «Штуги», что продолжают клепать заводы рейха и протектората? Они идут на формирование 1-го танкового корпуса СС «Адольф Гитлер»!¹⁸ Два тяжелых танковых батальона по 45 «Тигров», моторизованная дивизия с двумя танковыми батальонами по 47 Т-IV в каждом и двумя артдивизионами по двадцать «Штугов» в каждом, и еще одна моторизованная франко-бельгийская дивизия с танковым полком в восемьдесят легких танков, собранных по арсеналам различных стран Европы, и опять же с двумя артдивизионами «штугов». И это все сполна обеспечено топливом и боеприпасами. Правда, корпус СС не успевает к началу прорыва кольца окружения. Не все еще подразделения прибыли в Вильнюс, где формируется корпус, не вся еще техника поставлена. Чертовы американцы! Поставили русским уйму «летающих крепостей». И эти «крепости» напрочь вынесли Варшавский и Кенигсбергский железнодорожные узлы. Не справляется рейхсбанн с перевозкой новейших танков с заводов к фронту. В общем, 1-му танковому еще дней пять-семь-десять надо для обретения окончательной мощи. Может, стоит подождать эту неделю? И тогда как скопом навалимся на большевиков. Не, не катит. Судя по всему, русские готовят еще один удар к востоку от Минска, на Борисов, с тем чтобы отсечь Минский гарнизон от восточной части группы армий. И удар этот, по докладам разведки, планируется уже дня через два-три. Надо опередить русских. Сегодня ударим. Одновременно с ударом смешанных корпусов от Лиды и Слуцка.

Фельдмаршал отхлебнул кофе из походной кружки и взглянул на часы. Четыре утра. Два часа до начала. За час до рассвета начнется!

По замыслу, перед началом удара по русским позициям должна была отработать авиация. Англичане наконец-то перегнали в генерал-губернаторство и в Восточную Пруссию почти три сотни своих тяжелых бомбардировщиков. Не пикировщики они, конечно. Не так эффективны по полевым позициям. Ну а что делать? Слишком велики в последнее время потери люфтваффе, не справляются заводы пока с восполнением потерь. Всего восемь десятков «Штуг»¹⁹ по ту сторону кольца смогли собрать. Но с авиаподдержкой – опять непраха. Отвратительный прогноз от метеорологов. Если что и сможет взлететь с аэродромов, то все равно ни черта

¹⁷ В РИ – более-менее вменяемые бронированные гусеничные САУ в английской армии появились к концу 43-го года. В АИ – ситуация аналогичная. САУ на автомобильном шасси – это просто грузовик с противотанковой пушкой в кузове, иногда даже без противоосколочного щита.

¹⁸ В РИ – корпус начали формировать в середине лета 43-го года. В основном действовал против союзников на Западном фронте. На советско-германский фронт попал только в начале 45-го года.

¹⁹ Пикирующий бомбардировщик Ю-87.

с воздуха на земле не увидит. Так что работаем без авиации. Но ведь и русские без нее будут. И это – гут!

Но чем же заменить авианалет? Чего тут голову ломать. В Минске почти шестьдесят тысяч разноплеменной легкой пехоты сидит. Половину оставим для поддержки удара наших танков. А половину сажаем на собранный по округе транспорт. Нашлось в Минске три сотни различных авто. Реквизировали-мобилизовали их по разным конторам. На крыши-кузова прикручиваем-привариваем крупнокалиберную стрелковку и малокалиберную артиллерию. И отправляем за сутки до главного удара на русские позиции. Вряд ли они смогут прорваться. Нет у них шансов. Зато разведывают-расчищают минные поля, выставленные русскими. Проредят их противотанковую оборону. Заставят большевиков потратиться боеприпасами и топливом. Опять же кого-нибудь эти европейские недовояки подстрелят на русских позициях. В плен сдадутся? Так и то хорошо. Русским придется эту толпу охранять-конвоировать, а это опять же отвлечет какие-никакие силы. Ну а все оставшиеся на поле боя подбитые эрзац-САУ дадут сегодня возможность нашим танкистам поближе к русским позициям подобраться.

Да, удар сегодня будет только один. Навстречу корпусу, идущему от Лиды. Нет у нас сил в две стороны из котла бить. Почему? Простая арифметика. Плотность танков на направлении главного удара для гарантированного прорыва подготовленной обороны, а русские ведь подготовились, должна составлять 50–70 машин на километр фронта. Это еще в 40–41-м установлено. Даже если мы и «Штуги» за танки посчитаем, то на круг получим 199 единиц бронетехники. Семьдесят бэтэров, которые тоже пойдут в прорыв, за бронетехнику, конечно, можно посчитать, но вот не пляшут они при прорыве первой линии обороны, их роль сугубо второстепенная и подчиненная. Так что округляем число доступной брони до двухсот и считаем-делим. Получается три-четыре километра по фронту удар может быть. Если на две части разделить, то совсем узенько будет – полтора-два километра. Такой прорыв русские, не напрягаясь, подрежут у основания. Так что бьем в одном месте. Ударим в самом тонком месте. Там от Ратомки до Ракова и двадцати километров не будет. На остальных участках кольцо толщиной от пятидесяти до ста пятидесяти километров доходит. Из Слуцка же пушай корпус сам на Минск пробивается. Помолимся за его успех.

21 марта 1943 года, г. Заславль, Белорусская ССР

Миновала полночь. Уж часа три как миновала. А в штабе 60-й армии такое ощущение, разгар рабочего дня. Деловая суета. И легонький нервный мандраж. Как тут не мандражировать? Разведкой вскрыто намерение немцев ударить по позициям армии с двух сторон одновременно, и изнутри и снаружи кольца. Не сложно это было вычислить. Ведь сами же и подставлялись, намеренно не расширяя кольцо окружения. Сами старались создать впечатление у немцев, что здесь, на участке, обороняемом 60-й армией, самое удачное место для прорыва. И немцы купились. Соскребли со всего котла последнюю боеспособную бронетехнику и готовы ударить. Ударят ли? Ударят! Достоверно установлено, что дезинформация о готовящемся отсечении Минска от остального котла дошла до адресатов в немецких штабах. И скушали ее немцы. Спешить им надо. Ударят обязательно. Но вот устоит ли армия?

Командующий армией генерал-лейтенант Иван Черняховский глотнул отличного трофейного кофе из простой пролетарской, слегка подкопченной жестяной кружки. Отличную арабику два дня назад принесли вернувшиеся из рейда-поиска армейские разведчики. Ходили они к Лиде, посмотреть, как там очередной, спешно сформированный немцами корпус готовится к наступлению. Вот в ходе рейда и подфартило группе прихватить английского интенданта-полковника. Английское чудо-юдо надумало прокатиться по лесной белорусской дорожке всего лишь на одном джипе. При наглом британце нашли довольно интересные документы по снабжению английской моторизованной дивизии, входящей в лидский корпус, и

десятикилограммовый мешок с итальянской обжарки кенийским кофе. Вот и командующему кофейку перепало.

Накануне Ключе смог удивить генерала. Минск и его окрестности были очень плотно взяты под контроль партизанами-подпольщиками. И фронтовое, и армейское командование было в курсе всех более-менее значимых немецких движений. От взглядов подпольщиков не укрылось повальное изъятие всего еще не используемого вермахтом авто- и мототранспорта. Не укрылось и то, что этот транспорт передается в дивизии новых союзников Германии. Черняховский полагал, что это сделано просто для повышения мобильности этих дивизий. А оказалось, вон оно что. Сутки назад посаженные на грузовики, автобусы, трактора и легковушки франко-бельгийские части пошли в атаку по подмерзшим за ночь полям на позиции армии. Поначалу в штабе 60-й армии даже растерялись. Что это? Думали, что немцы на сутки раньше пошли на прорыв. Но ведь корпус из Лиды еще не подошел. Разумнее ведь ударить одновременно с двух сторон. Что за чудачество? Но утром, когда командующий лично съездил к тому полю, где пожгли датско-норвежское автовоинство, он понял задумку немецкого фельдмаршала. Поле часто почти в правильном шахматном порядке заставлено сгоревшей техникой. И эта техника будет идеальным укрытием для подбирающихся к нашим позициям немецких танков и пехоты. Немцы смогут, прикрываясь этими авторуинами, подойти к первой линии окопов почти вплотную.

Нет у немцев сейчас тут, под Минском, серьезной артиллерии. Снарядный голод в котле. Вот и не потащил Ключе из-под Смоленска сюда гаубицы в товарном количестве. Всего пару батарей легких гаубиц наши разведчики засекли рядом с предполагаемым местом удара. Так что нечем немцам будет бороться с нашей артиллерией, когда та начнет долбить по наступающим. Вот и придумали арийцы, как уменьшить свои потери до выхода к советским позициям.

Молодой генерал склонился над картой. Медитация. Ожидание. Все уже было продумано-передумано. Все подготовлено. Остается только ждать и не дергать подчиненных.

Без стука зашел начальник разведотдела армии.

– Секреты, выставленные на поле под Ратомкой, зафиксировали инженерную разведку немцев.

– Поползли между подбитыми машинами и, естественно, убедились, что мин там нет.

– Что еще?

– Получены условные сигналы от двух разведгрупп. В рощах между Подгрушево и Ярково, – разведчик подошел к расстеленной на столе карте и ткнул пальцем в минские предместья, обозначенные как места сосредоточения немецкой группы прорыва, – слышны шумы заводимых двигателей.

– Не засекут твоих ребят? – Риторический вопрос, командующий и так знал, что вряд ли засекут, у разведчиков была короткая таблица условных сигналов, всего пару цифр морзянкой надо отстучать, в зависимости от того или другого действия немцев.

– Не, не успеют запеленговать. Самые опытные.

– Ладно. Ждем.

Должен поступить еще один сигнал. О том, что немцы начали выдвигаться. Вот тогда и начнется представление.

В армию на войсковые испытания передали новые «катюши». БМ-31-24²⁰. Немецкие «трешки» без башни. Вместо нее пусковая установка – три ряда по восемь направляющих. М-31 – мощный боеприпас, но не панацея. В комплекте с новыми гусеничными «катюшами»²¹

---

²⁰ В РИ – Гвардейские реактивные минометы БМ-31-12 калибра 300 мм на шасси американских «студебеккеров» появились в войсках летом 1944 года. Реактивные 300-мм снаряды М-30 и М-31 применялись РККА с 1942 года, их пуск тогда осуществлялся с установленных на землю пусковых контейнеров. В АИ – в связи с большим количеством доставшейся РККА трофейной бронетехники часть ее была использована для установки на ней пусковых установок снарядов М-31.

²¹ В РИ – БМ-31-12 получил в войсках прозвища «андрюша» и «лука мудищев» за весьма характерную форму снаряда

шли новые снаряды. М-32-М и М-33-03²². М-33 – адаптация под трехсотмиллиметровый снаряд уже применявшихся в РККА объемно-детонирующих боеприпасов. Посмотрим, как они сработают. Но их очередь – вторая. Первые сегодня М-32. Вес почти 110 килограммов. Дальность стрельбы – 7 километров. Вес боевой части – 60 килограммов. И БЧ особенная. Кассетная. Спрятано в ней аж десять пятикилограммовых противотанковых мин. При подлете к месту назначения БЧ раскрывается и за счет вращения разбрасывает мины. Может противопехотки раскидать, а может, как в этот раз, – противотанковые. Правда, слабенькие мины эти, едва хватит ее мощи, чтобы гусеницу порвать²³, но нам сейчас большего и не надо.

– Получен сигнал. Пошли танки, – вбежал в кабинет командующего офицер разведотдела.

Черняховский снял трубку полевого телефона: – Дай мне Тополя.

– Тополь, здесь Роща. Урал, повторяю – Урал.

– Роща, здесь Тополь. Принял. Урал.

Через несколько минут до штаба армии докатились раскаты грома. Две батареи обычных «катюш» отстрелялись обычными РСами по выдвигающимся немецким танкам. Зачем? Урон ведь от такого залпа по танкам невелик. Ну, так, чтоб не расслаблялись. И заодно этими залпами прикрыли звук стрельбы четырех полков тяжелых гвардейских минометов. Четыре полка по 24 БМ-31 в каждом. Две тысячи триста четыре снаряда высыпали на поле перед немцами более двадцати трех тысяч мин. Первое в своем роде дистанционное минирование²⁴.

Генерал перешел на узел связи. С позиций на внешнем кольце окружения тоже идут доклады. И там немцы зашевелились. Началась артподготовка. И наша, и немецкая. Немцы бьют по нашему переднему краю, наши – пытаются нащупать немецкие батареи. Нелетная погода подгадила. Нет, в какой-то степени она помогала. Скрытно от противника перебросить-сконцентрировать силы и средства. Но вот проблема. Немецкие 15-см и 10,5-см гаубицы имеют дальность стрельбы 12–13 километров. У наших – 152-мм М-10 и 122-мм М-30 – на километр-полтора меньше²⁵, добавить, вернее, отнять еще полтора-два километра, на которые были удалены наши орудия от передовой, и получаем разницу по дальности в три-четыре километра. Немцы могут по нашей передовой стрелять. Мы можем по наступающим немцам работать, а вот достать немецкие батареи уже не можем. Для контрбатарейной борьбы нужны большие калибры, но их не успели сюда доставить. Вот и была надежда на авиацию. Но... Печаль... Впрочем, и немцам несладко. Не получится у них при ударе снаружи навалиться здесь всем скопом и прорвать нашу оборону. Им придется наступать с запада на восток вдоль наших позиций у реки, последовательно пытаться подавить нашу оборону на пятнадцати километрах речного берега. Подавят одну позицию, а переправляться на наш берег бессмысленно. Пехота-то там ихняя пройдет, а вот какая-либо техника – нет. Лесистые болота и заболоченные леса позади наших позиций. Не пройти, не прорваться там немцам к Минску. Обойти эти наши позиции севернее, конечно, можно, но этот обход обернется выходом на более «толстый» участок обороны. Там, восточнее, ширина кольца окружения резко возрастает до 70–150 километров. Так что лучше попытаться здесь. 20 километров лучше, чем 100. И к тому же из кольца здесь еще будет удар.

М-31. В АИ – это прозвище еще не в ходу.

²² В РИ – в описываемое время таких снарядов не было.

²³ Общепринятый вес фугасной противотанковой мины в описываемое время – 10 кг (плюс-минус).

²⁴ Кассетные боеприпасы в описываемое время уже применялись обеими сторонами. Люфтваффе имело на вооружении кассетные бомбы, которые могли снаряжаться противопехотными минами. Но вот наземные системы дистанционного минирования в РИ появились только в 70-х годах XX века. Однако технологии 40-х вполне позволяли объединить кассетную бомбу и реактивный снаряд. Вот ГГ и подсказал.

²⁵ Ага, была такая проблема по основной артиллерии поля боя. Положение изменилось только в конце 43-го года с принятием на вооружение 152-мм гаубицы Д-1 с дальностью стрельбы 13,7 километра.

На внешнем кольце организована, так сказать, «классическая» оборона. Минные поля, инженерные заграждения, противотанковые опорные пункты, усиленные самоходками, огневые мешки-засады, танки в резерве в достаточном количестве. Сил отбиться должно хватить. А вот на внутреннем кольце предполагается эксперимент.

Немецкие танки, уверенные в отсутствии минного поля, бодренько пробираются к советским позициям, прикрываясь подбитыми машинами. Наивные. Мины уже встали на боевой взвод. То там, то здесь раздаются хлопки. Ничего серьезного.

Гусеница перебита. Минут десять-двадцать возни, и танк опять готов к бою. Благо мины слабые и не способны повредить катки. Танки идут не все скопом. Атака эшелонирована.

Впереди десять «четверок» – их задача вызвать на себя огонь русских противотанкистов. Сразу за ними все «Тигры» и «Пантеры» – девятнадцать штук, – они должны вынести советскую противотанковую артиллерию. В третьей линии, самой многочисленной, сорок «Штугов» и столько же «четверок» – они нужны на случай, если появятся советские танки. За ними тремя волнами пехота-мотопехота и остатки местного танкового изобилия. Тылов-обозов, ясен пень, нет. Всего-то надо пройти сегодня двадцать километров по русским позициям, плюс еще пять до них. Из-за частых подрывов движение замедляется, боевые порядки наступающих уплотняются.

Первые бронированные неподорвавшиеся «счастливчики» выкатываются практически вплотную к советским позициям. Триста-пятьсот метров до них. Атака! Огонь! Атака? Огонь? Ага, огонь!

Полки БМ-31 после первого своего залпа успели уже сменить позиции. На новых – их ждут транспортно-заряжающие машины²⁶. Несколько минут на зарядание, и полки готовы к залпу. Залп. В этот раз стрельба ведется объемно-детонирующими снарядами.

Немецкая группа прорыва на момент залпа «катюш» располагается на поле размером в четыре километра по фронту и два-три – в глубину. Двенадцать миллионов квадратных метров. Жуть! Много!

Один реактивный трехсотмиллиметровый снаряд с объемно-детонирующей БЧ накрывает огнем площадь около пяти тысяч квадратных метров. 70 на 70. Перемножаем на 24 ракеты в одной «катюше», на 24 «катюши» в полку и на 4 полка. Опана! Одиннадцать с половиной миллионов квадратных метров сплошного огня и кошмарных перепадов давлений. Почти никто не ушел от теплого приема советских гвардейцев-минометчиков.

Танки-бэтэры встали все. Не могут они пока защитить экипаж от объемного взрыва. Большая часть танков после остановки еще подбавила огоньку в локальный армагеддон, полыхнув детонацией своих снарядов. Пехота превратилась в россыпь поджаренных трупов. Почти вся! На некоторое время повезло тем, кто приотстал. Тысячи полторы арийцев и других европейцев не попали под пламенный привет советских ракетчиков. И ломанулись они назад, к Минску. Но вот незадача. На их вроде бы спасительном пути на всякий случай уже успели занять позиции заградительные отряды²⁷. Пулеметные очереди встретили «счастливчиков». Да ну на фиг, что им были пулеметы после того, что они видели-пережили. У них тоже кое у кого были пулеметы. Только через полчаса удалось остановить перестрелку. Потом, уже когда Минск был освобожден, из допросов военнопленных выяснилось, что из той атаки-разгрома живыми вышли только около двух сотен. Из почти тридцати пяти тысяч попытавшихся прорвать оборону Красной армии. Интересно, кого будут в будущем винить Париж-Брюссель и Осло с Копенгагеном в геноциде, европейских пассионариев? Сталина или Гитлера? Ключе или Черняховского?

---

²⁶ Под ТЗМ были приспособлены трофейные полугусеничные бронетранспортеры. В кузов «ганомогов» были смонтированы стеллажи для снарядов и электромеханический кран-манипулятор.

²⁷ Заградотряды в вермахте применялись не реже, чем в РККА, а может быть, и чаще.

21 марта 1943 года, г. Москва

Следственно-ментовские мероприятия у меня на квартире закончились часам к двум ночи. К тому же времени жэковские сантехники смогли восстановить порушенную налетчиками систему отопления. Соседей снизу, конечно, подтопило кипятком, но никто особой трагедии из этого не делал. Хорошо – не бомба в дом попала. Квартиры все здесь – служебные. ЖЭК все размокшее-протекшее починит. Чего переживать-то?

Смершевцы, уходя, договорились с комендатурой, и для моей охраны на всякий случай до утра выделили троих патрульных. Я тяпнул на кухне с давешним мужиком в галифе по писярику коньячку за то, что все удачно и без потерь обошлось. Мужик оказался подполом из городской комендатуры. Артиллерист на «передержке» после госпиталя. Ждет повторной медкомиссии. А пока как раз за патрульную службу в комендатуре отвечает.

Пора и поспать. Перетащил кровать в дальнюю комнату. Вместо промокшего матраса кинул полушубок. Сойдет. Потом спустился на улицу и затащил патрульных к себе в квартиру. Чего парням на холоде мерзнуть? Пусть на кухне сидят. Там и чайку горячего заварить можно. Сержант, старший поста-патруля, отнекиваться не стал. Приказали генерала охранять, и какая разница – у подъезда или в квартире?

Завалился спать. Укладываясь на служебное ложе, хотел проанализировать произошедшее. Что это было? Кто и почему? Но не успел. Провалился в сон. Проснулся от того, что в комнату зашел сержант. Ага, время. Пора вставать. Мыльно-рыльные процедуры. Спасибо бойцам – водогрей в ванной растопили. Спасибо и за чаек свежесваренный.

Пока я спал, оказывается, приезжал посыльный. В академию с утра поехать не получится. Скоро за мной пришлют машину из «Смерша». Надо удовлетворить любопытство сыскарей-оперативников. Ночью, естественно, я операм вкратце описывал, что и как. Но теперь надо будет все с чувством-расстановкой под протокол подтвердить.

В восемь пришла машина. Попрошался с патрульными, подхватил ранец с деньгами, и на выход. Едем на площадь Дзержинского. Не в ходу здесь старорежимный термин «Лубянка». Петляем по уже проснувшимся городским улицам, на глаза попадается вывеска – «Сберегательная касса». И вроде бы уже работает. Прошу водителя притормозить. А чего? Я ж не под конвоем. И не может сержант-водитель цельному генералу отказать. А мне надоело изображать из себя переносной сейф. Ранец на плечо – и бодрым шагом в сберкассу. Девчонка за стойкой несколько удивлена объемами вклада. Зовет заведующую. Та мобилизует на пересчет весь личный состав. Да... чего-то я не подумал о том, что здесь счетных машинок еще нет. Пересчет-оформление вклада затягивается минут на сорок. Нервничающий водила даже пару раз заходил-торопил. Ну, наконец-то. Мешок денег обменян на тоненькую сберегательную книжку с записью о количестве денег на моем счету. Поехали.

Площадь Дзержинского. Самое высокое здание в стране²⁸. КПП-проходная. Разовый пропуск и вежливая просьба сдать оружие. Коридоры-переходы. И все вверх. Не вниз, в подвалы-застенки. Небольшой кабинет. Замученно-уставший майор-следователь. И три часа вопросов-ответов. Что я делал вчера? Где был? Кто знал про полученные деньги? Кто знал адрес квартиры? Как я оказался у Капитановых? Зачем? Почему? К Герою представлен? Хорошо, поможем семье разобраться. У вас есть навыки выявления слежки? А почему вы решили, что за вами следят? Госномер машины? И еще сотня-другая вопросов. Хорошо, что на память пока не жалуюсь. Удовлетворил профессиональный интерес следака. Могу быть свободным. Давайте пропуск отмечу.

– Подождите, товарищ майор. Раз уж я здесь, хотелось бы на прием к начальнику экономического управления попасть?

---

²⁸ Если кто не знал-забыл: из главного здания НКВД был виден Магадан.

– ?

– Хочу в надежные руки пристроить свое состояние.

– Не знаю. Сейчас попробую узнать.

Несколько минут, пара звонков, и за мной приходит лейтенант – посыльный.

Опять коридоры-лестницы-переходы. Пытаюсь рассмотреть следы свежезамытой крови на стенах и полу. Не-а. Хорошие, старательные уборщицы в НКВД работают. Хорошие моющие средства советская химическая промышленность производит. Не видно нигде кровавых соплей врагов народа. Ладно. Хорош развлекаться, сейчас серьезный разговор про серьезное бабло будет.

Кабинет начальника Главного экономического управления НКВД СССР не поразил величием. Метров двадцать квадратных. Т-образный стол. И все стены заставлены шкафами-стеллажами. Папки-книги-справочники.

Начальник ГЭУ – молодой, едва за тридцать, генерал-лейтенант, ну то есть, по-здешнему, комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Мешик²⁹. Немного неудачный оказывается сегодня день для моего визита. С завтрашнего дня Павел Яковлевич переводится на новую должность в только что мною покинутый «Смерш», заместителем к его начальнику Абакумову. Ну, да ладно. Раз принял – озадачим.

– У вас какой вопрос, товарищ генерал-лейтенант?

– Понимаете, я вот тут вчера получил в финчасти премии.

– Поздравляю...

– Много.

– Хвастаетесь? – улыбается одними глазами кровавый гебист.

– Нет, но сумма большая, очень. Чуть более полумиллиона.

– Ого. Что ж вы такого совершили?

– Да не в этом дело. У нас вон народ по стране деньгами скидывается на строительство танков-самолетов, вот я и подумал...

– На танковый взвод почти хватит³⁰, – профессионально замечает Мешик. – Так это вам в Фонд обороны надо.

– Нет. Немного не так вы меня поняли.

Достаю из ранца папку и передаю Павлу Яковлевичу.

– На досуге нарисовал. Хочу оплатить опытно-конструкторские работы по созданию двух новых танков.

Вот так. Нарисовал я эскизный проект Т-44. Как помнил. В общем-то ничего сложного и неосуществимого. Глубокая модернизация нынешнего Т-34. Двигатель развернут поперек корпуса, за счет этого танк становится чуть короче, и появляется возможность для установки башни точно по центру корпуса, что скажется в лучшую сторону и на точности стрельбы с ходу, и на равномерности нагрузки на ходовую. За счет сдвигания башни назад появляется место в верхнем листе корпуса для люка механика-водителя. И нет необходимости этим люком ослаблять верхний лобовой лист корпуса. Большая башня вмещает трех членов экипажа и позволяет установить в нее пушку калибром от 76 мм до 107 мм. Естественно, командирская башенка и зенитный пулемет – куда ж без них? В ходовой вместо подвески Кристи – торсионы. Танк получается чуть шире «тридцатьчетверки», но короче и ниже. За счет этого при почти той же массе бронирование почти в полтора раза толще-круче. Классическая «сорокачетверка». От себя только добавил «стыренный» с ИС-3 «щучий нос» корпуса и профилированный под этот «нос» нож самоокапывателя на нижний передний броневой лист корпуса. Должны спра-

---

²⁹ Павел Яковлевич Мешик (23.12.1910–23.12.1953) – один из руководителей советских спецслужб, соратник Л. П. Берии. Арестован и расстрелян «хрущевцами».

³⁰ В 1941 году Т-34 стоил 269 тысяч рублей, стоимость в течение войны постоянно снижалась и к 1945 году достигла 135 тысяч рублей.

виться конструкторы. Я сначала хотел общим порядком свой эскиз-идею двигать, но, получив неожиданную денюжку, решил ускорить процесс, а то хрен его знает, эту военно-промышленную бюрократию, когда она раскачается и соизволит выделить средства на разработку нового среднего танка. А ведь еще чуть-чуть, и «тридцатьчетверки» перестанут плясать против немецких «Тигров». Даже с переходом на новую башню с 85-мм пушкой. Слабовата броня Т-34 против немецких зениток, устанавливаемых в башни немецких тяжелых танков. Этот вариант Т-44 условно поименовал как Т-43. Второй эскиз – ИС-3. Ага. А чего мелочиться. Тем более что я этот танк ну очень хорошо знал. Т-44 у нас в училище были только в качестве мишенной обстановки на тактическом поле расставлены. Ну, не только они, всякого ретро там хватало. А вот с ИС-3 я познакомился сначала курсантом на войсковой стажировке в ЗабВО, а потом там же уже как командир взвода их эксплуатировал. Против китайской НОАК они до 80-х там в укрепрайонах стояли. Для китайцев по тем временам ИСы вполне себе еще плясали. Не знаю, может, и сейчас где на Дальнем Востоке и в Забайкалье в резерве числятся. Так что ИС-3 я прорисовал даже более подробно, чем «сорокчетверку». Самое главное, что все необходимое для воплощения в металле у страны уже есть. И 122-мм пушка Д-25Т, и форсированный дизель В-2, и даже его более мощный вариант – В-11. И опять же самоокапыватель на нижний передний лист корпуса от себя добавил. Геометрия корпуса и башни немного сложновата – но, думаю, справится промышленность. Ведь через два года в моем прошлом-будущем смогли. Смогли, когда запрос на такие машины с фронта пошел. Вот и я такой запрос-аналитику в дополнение к чертежам-эскизам добавил. Так, коротенько. Нужен тяжелый танк прорыва обороны, могущий уверенно держать удар новых немецких тяжелых танков Т-6 и массово применяемых уже немцами в противотанковой обороне 88-мм зениток. Вот это ИС-3 и есть. Я его, конечно, так не называл. Потому как еще и ИС-2 у конструкторов не проработан. Назвал просто Т-122. Там пускай сами думают, как окрестить машину. А ресурсов у промышленности на новые машины должно хватить, благо приложил руку, сэкономил для страны кучу всего нужного, не дал растратить во множестве успешных и не совсем успешных, но весьма затратных по потерянной технике, операций-сражений «моего» 43-го.

Мешик рассматривает чертежи, быстро пробегает глазами пояснительную записку. Хмыкает:

– Интересно. Если все ваши расчеты верны, то хорошие машины должны получиться. Еще бы! Стал бы я плохие подсовывать.

– Ну так что? Какой будет ваш, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, положительный ответ?

Павел Яковлевич слегка зависает, оценивая прикол.

– Даже не знаю. Раньше не сталкивался с такой постановкой вопроса. Но пока не вижу причин для отрицательного ответа. Разве что не найдется свободных конструкторов. Я проработаю вопрос и вам сообщу о результате. Договорились?

– Конечно.

– Ну, тогда давайте быстренько оформим передачу документов.

Действительно, управились минут за пять. На официальном бланке наркомата сочинили акт приема-передачи эскизной документации. Подписали, и можно наконец отправляться в академию. Мешик ставит еще один штампик в моем разовом пропуске, и я отправляюсь блуждать по коридорам наркомата в поисках нужной мне проходной. На проходной озадачиваю дежурного вызовом такси³¹. Надеюсь, что на вызов из НКВД на Авиамоторной³² отреагируют оперативно. Полчаса поскучал в холле подъезда перед проходной и наконец-то дождался при-

³¹ Как ни странно, вполне себе рядовая процедура в те годы. Правда, количество такси в Москве в годы войны сократилось с нескольких тысяч до нескольких десятков единиц.

³² Там располагался единственный работающий к весне 43-го года легковой таксопарк.

езда раздолбанной «эмки». Нераздолбанные – все на фронте, а красавцы «ЗИСы» поставлены на консервацию за неэкономичность и непригодность для использования на фронте. Дребезжащий драндулет на удивление быстро доставляет меня к академии.

Куда идти? В учебном отделе прием слушателей уже закончен. В строевой? Но, оказывается, меня уже ждут. Дежурный по КПП направляет меня сразу к заму по тылу академии. Здесь уже в курсе моих приключений. Трендюлей уже кому-то прилетело за то, что на «выселки» меня поселили. Зам по тылу предлагает поселиться в служебной гостинице прямо на территории Академии.

– Только номер однокомнатный.

И пофиг, не बारे. Главное, что с транспортом-дорогой не надо заморачиваться. Сдаю ключи от таганской «хаты» и взамен получаю записку для директора гостиницы. В учебном отделе меня тоже ждут. Получаю назначение в учебную группу, расписание занятий и кое-какие учебники-методички. На сегодня – все. Завтра на занятия, а сейчас в гостиницу. Поспать, пока время есть, все же спал ведь сегодня всего часа четыре.

22–23 марта 1943 года, г. Москва

Очередное совещание ГКО в кремлевском кабинете Сталина подходило к концу. Рассмотрено почти два десятка вопросов. Один из основных – ситуация в Белоруссии. Новости оттуда пока обнадеживающие. Удалось с большими потерями для немцев отразить все попытки прорвать кольцо окружения вокруг группы армий «Центр». Окруженная группировка вермахта, по всей видимости, потеряла последние мобильные резервы. Наши соединения увеличили ширину кольца окружения. Самое время, пока еще окончательно не раскисли в распутице дороги, начать добивать окруженных. На завтра назначен рассекающий удар на Борисов. Если все пойдет по расчетам Генштаба, то самые боеспособные, сосредоточенные в восточной части котла соединения немецкой группировки окажутся через два-три дня отрезаны от рейха полосой в 250–300 километров. Через неделю запланировано начало штурма Минска. Оптимистично! Все присутствующие на совещании измотаны, но глаза-лица светятся от положительных эмоций. Наконец-то пришло время! Бьем нацистов! Бьем везде! И теперь уже у немцев проблемы от нескончаемых окружений-разгромов. Скоро из пленных генералов можно будет пехотный батальон сформировать. Уже сейчас, по докладом ГУПВИ³³, количество находящихся в плену немцев и их союзников превышает наши аналогичные потери в неудачных операциях 41–42-го годов. И уже всем присутствующим явственно виден скорый конец войны. Если не произойдет какого-нибудь спасительного для Гитлера чуда, то есть все шансы к концу года закончить войну.

– Ну, что ж, товарищи, всем спасибо, все свободны, – произнес Верховный заключительные слова.

Члены ГКО и приглашенные, тихо переговариваясь, потянулись на выход. Только нарком внутренних дел не спешил покидать кабинет вождя.

– У вас еще что-то, товарищ Берия? – произнес Сталин, дождавшись, когда закроется дверь за последним посетителем.

– Да, товарищ Сталин. Извините. Очень странный вопрос. Хотелось бы доложить без задержки.

– Надолго?

– Думаю, что – да.

– Тогда, может, чаю?

– Не откажусь.

---

³³ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

Помолчали, дожидаясь, пока дежурный помощник выставит на стол стаканы-чайники, варенье-печенье и бутерброды. Полночь близится – самое время подкрепиться.

– Итак... – Сталин вопросительно посмотрел на грозу троцкистов-бухаринцев и прочих врагов народа.

– Вопрос касается генерал-лейтенанта Брежнева.

– Что с ним опять не так?

После начала войны со Швецией Верховного просто завалили доносами-кляузами на молодого комкора. ГлавПУр³⁴ неожиданно для себя выяснил, что в 9-м мехкорпусе недопустимо высок процент вакантных должностей политработников. В корпусе участились случаи перевода политработников на командные или технические должности. Строевые отделы штабов частей корпуса намеренно задерживают заявки на заполнение должностей политработников. Отчеты по партполитработе в частях корпуса сдаются с большими задержками. Назначение замполита корпуса всячески тормозится генералом Брежневым. И т. д. и т. п. Был даже сигнал о том, что Брежнев присвоил себе часть захваченного в Будене золотого запаса Швеции (потом, правда, выяснилось, что Брежнев взял один небольшой слиток золота со штампом шведского Риксбанка на переговоры со шведским королём, чтобы наглядно подтвердить, что золотой запас шведов находится под контролем РККА. Позже слиток был возвращён). Неоправданно высок был в корпусе расход боеприпасов и ГСМ от момента начала его формирования в Череповце и до отправки в Карелию. Сталин, естественно, понимал, откуда ноги растут у этих доносов. Но... Генералы из ГлавПУра оформляли доклады-доносы так, что не реагировать на них было невозможно. Ну, не могли они смириться с тем, что бывший их коллега, перейдя на командирскую должность, откровенно и недвусмысленно посылает подальше свое родное в прошлом ведомство. В общем, несколько дней назад на заседании Ставки ВГК было решено отозвать Брежнева на учебу в Академию Генштаба. В Скандинавии дела идут неплохо, и без Брежнева там справятся. Пушай ГлавПУр подуспокоится, а НКВД тем временем не торопясь разберется. Что это было? Дурь-ревность-зависть? Или что посерьезнее? И какие фамилии в конечном итоге стоят за всей этой шумихой.

– Двадцатого марта генерал Брежнев прибыл в Москву и в Наркомате обороны получил предписание на учебу в академию. Там же в финуправлении наркомата он получил скопившиеся на его счету деньги. Пятьсот двадцать три тысячи шестьсот двенадцать рублей и семьдесят три копейки.

– Солидно. Что, кто-то завидует? И за что? Подождите, в сводке от Абакумова сегодня утром было. Его ограбить пытались? Разобрались?

– Да, была попытка ограбления, вернее, это одна из версий, другая – попытка захватить или убить генерала. Сейчас «Смерш» над этим работает. Но я о другом. О самой сумме.

– Завидуете? – шуткует Иосиф Виссарионович.

– Никак нет. Сумма серьезно выбивается из обычных размеров премиальных выплат. Была проведена проверка. Вполне допускалась простая техническая ошибка. Может, там машинистка или бухгалтер один-два ноля по ошибке приписал.

– ?

– Все верно. Все выплаты обоснованы. – Берия достал из папки два листа и передал их Сталину: – Здесь список всех рацпредложений и изобретений товарища Брежнева, за которые осуществлены выплаты.

– Солидно. И это все он сам?

– Нет. Окончательно до ума доводили конструкторы-инженеры в КБ и на заводах, но, по их словам, без идей, высказанных Брежневым, ничего бы у них не вышло. Вот, к примеру, 160-мм миномет: конструкторы никак не могли решить проблему заряжания. Высота ствола мино-

---

³⁴ Главное политическое управление РККА.

мета – почти три метра, вес мины – более сорока килограммов. Никак не могли придумать, как его заряжать, обеспечивая требуемую скорострельность³⁵. Брежнев предложил зарядание наподобие охотничьего ружья – переламыванием ствола. И все сработало. Первая партия этих минометов уже отправлена на войсковые испытания. И так практически по всем пунктам. Боеприпасы объемного взрыва, системы дистанционного минирования и разминирования, мото-снегоходы, водные мотоциклы, рацпредложения по заводской переделке трофейной техники, автоматические радиостанции-обманки, рации-глушилки, уголки отражатели и так далее. В конце концов, это Брежнев подсказал Василевскому идею, как уничтожить немецкую эскадру в Чанаккале. И да, вот еще, – Берия покопался в карманах галифе и выудил обычную с виду бензиновую зажигалку, – посмотрите.

Верховный внимательно рассмотрел незамысловатый цилиндрок. Чиркнул колесиком, но вместо обычного трепещущего пламени из зажигалки вырвался шипящий, почти бесцветный луч-факелок.

От неожиданности Сталин вздрогнул и погасил зажигалку. Попробовал еще раз.

– Попробуйте ее задуть, товарищ Сталин.

Все попытки потушить огонь задуванием оказались неудачными.

– На любом ветру не тухнет.

– Как это работает?

– Брежнев попросил умельцев из своего рембата приделать поверх фитиля небольшую спиральку, вон видите там, она раскаляется и не дает тухнуть огню. В Москве и Ленинграде уже несколько артелей начали делать такие зажигалки. Я уже дал команду закупить партию для саперов и диверсионных групп. Простая вроде бы вещь, а додумался только Брежнев.

– Судя по вашему лицу, это не все?

– Да. Во время разработки операции «Большая Искра» Брежнев некоторое время работал с ЦШПД. Адаптировали к прибалтийским условиям его идею по «моторной войне». Кстати, тоже весьма плодотворная идея. Переориентация партизан и диверсионных групп на массовый отстрел двигателей автотранспорта противника привел очень быстро к почти полной парализации перевозок во фронтовом тылу противника. Эта тактика успешно сработала и в Карелии и сейчас успешно работает в Белоруссии. Причем расход боеприпасов у партизан снизился, потери партизанских отрядов и осназовцев упали чуть ли не на порядок, а ущерб противнику существенно возрос.

– Я в курсе этой тактики.

– Извините, отвлекся. Так вот про Карелию. Информация по партизанскому движению генералу Брежневу на момент подготовки операции «Большая Искра» давалась только по Прибалтике и частично по Белоруссии. Но сразу после отвода 9-й бригады из Риги на переформирование на одном из совещаний в Генштабе Брежнев дал развернутый и критический анализ партизанского движения в Карелии. И предложил способы исправления весьма печального положения. После попытки, я вам докладывал, отравления в Ярославской тюрьме бывшего генерала Власова расследование данного инцидента привело нас в Карелию. В республиканский штаб партизанского движения. Троцкисты-вредители, заговорщики-пораженцы и три немецких агента. Удивляет, как генерал, обладая отрывочной и косвенной информацией, смог сделать вывод о вредительской деятельности означенного штаба.

Берия прервался и сделал глоток чая.

– Продолжу. На совещании со штабом Карельского фронта по подготовке операции «Большой Песец» ставилась задача ВВС фронта и разведуправлению фронта на организацию тайных аэродромов на территории Финляндии и Швеции. Во время этого совещания Бреж-

---

³⁵ Реальная проблема. Указанный миномет в РИ был почти готов к началу 43-го года, но никак не могли решить проблему быстрого заряжания. ГГ подсказал выход, который реально был найден к концу 43-го года.

нев предположил наличие аналогичных немецких аэродромов в нашем тылу и указал на возможные разведпризнаки этих аэродромов. Позднее ВВС фронта смогли по этим признакам найти и уничтожить три тайных аэродрома противника в Мурманской и Архангельской областях. Командование Северного флота, используя и адаптируя под морскую специфику методику, предложенную генералом, смогло обнаружить и уничтожить две тайные базы немецких подлодок на Новой Земле и два тайных метеопоста на Шпицбергене и Новой Земле.

– Впечатляет. За такие идеи и миллиона не жалко.

– Согласен. Но вот что удивительно. Все это Брежнев начал выдавать на-гора только в последние четыре месяца. До этого ничего похожего от него не исходило. Хороший управленец, не лучше и не хуже большинства. Разумная инициатива, но опять же – ничего особенного, выдающегося. С началом войны – вполне себе достойный, пользующийся авторитетом у подчиненных комиссар. Не трус, даже, наоборот, иногда слишком уж бесстрашен. От передовой не отлынивал. Во время Новороссийского десанта не один десяток раз переправлялся под огнем противника на плацдарм. И вот вдруг, после ранения на том плацдарме, Брежнева как подменили. Ведь он танкистом только срочную служил, на Дальнем Востоке. С сорок первого только в политотделах. А тут вдруг, можно сказать на коленке, формирует боеспособную бригаду, которая за пару-тройку недель меняет коренным образом всю ситуацию на южном участке фронта. Был сигнал по перерасходу боеприпасов и ГСМ в 9-м корпусе. Наркомат провел расследование по этому вопросу. Перерасход действительно был при проведении занятий по боевой учебе. Но Брежнев применил новую методику боевой и специальной подготовки подразделений, не только боевых, но и тыловых, и подразделений обеспечения. В результате – по отзывам наших сотрудников – все части и подразделения корпуса во время боевых действий избежали даже малейших признаков бардака и несогласованности, не было никаких проблем со снабжением, корпус имел минимальный процент небоевых потерь в технике и максимальный процент ввода в строй своими силами поврежденной техники. Кроме того, максимально эффективно использовалась захваченная трофейная техника. И в итоге, если посчитать суммарно расходы на боевую учебу и собственно расходы на боевые действия, перерасхода боеприпасов и ГСМ нет, наоборот – присутствует экономия порядка 15 процентов по боеприпасам и около 18 процентов по ГСМ против расчетной. Все вышесказанное по отдельности – объяснимо. Собранные вместе... Нет.

– Но вы же как-то уже для себя это объяснили?

– Есть версии, но присутствует еще одна загадка. Помните, был доклад от Бурденко. В госпитале после ранения у Брежнева за несколько дней выросло два выбитых осколком зуба. Бурденко называет это взрывной регенерацией. Обследование, проведенное в Первом московском госпитале, выявило в том числе отсутствие на теле Брежнева каких-либо шрамов, даже от недавнего ранения.

– Подмена?

– Нет. Все, кто знал генерала раньше, однозначно подтверждают его, так сказать, подлинность. К Брежневу была направлена для постоянного контроля за его здоровьем врач. Она отметила, что у генерала почти моментально, в течение часа-двух, заживают без следа всевозможные бытовые ранки-порезы-ожоги. Генерал несколько раз сдавал кровь для раненых. Кровь была перелита шести раненым. Все раненые выжили, даже двое очень тяжелых с осколочными полостными ранениями. Все шрамы у раненых через какое-то время исчезли. Двое были с сединой в волосах – окраска волос через две недели после переливания крови восстановилась. У этих раненых после выздоровления тоже бралась кровь для переливания. На новых раненых это подействовало уже в меньшей степени. Выздоровление в целом проходило быстрее, чем у других аналогичных раненых, но шрамы не исчезали. Кровь от этой «вторичной» группы никаких особенных, необычных свойств не показала. Бурденко исследовал кровь Брежнева – пока

каких-то отличий от крови обычного человека не выявлено, кроме несколько увеличенного числа красных кровяных телец, и вроде бы они чуть-чуть больше, чем у обычных смертных.

Верховный вскинул брови.

– Вы считаете, что Брежнев не обычный... – Сталин запнулся, – смертный?

– В какой-то мере – да. Гениальный, сейчас уже можно, думаю, так сказать, военачальник. Отличный аналитик. Прирожденный переговорщик (Молотов в восторге от его переговоров с шведским правительством). Толковый чекист (благодаря умело проведенной им вербовке генерального комиссара Латвии мы смогли внедрить своего человека в ближайшее окружение Шелленберга, и идея с фальшивым стройбатом – тоже его. Я вам докладывал, благодаря этой идее наши разведчики смогли проникнуть на немецкий ракетный полигон). Первокласный инженер-конструктор. Вчера, – взгляд на часы, – уже позавчера он был у Мешика. Просил помочь оплатить конструкторские работы по созданию двух новых танков. На это он готов перечислить все свои премиальные деньги. Вот взгляните, его эскизные проработки. Я показал эскизы конструкторам – они в восторге. Танкисты в Генштабе тоже оценили – если все заявленные характеристики удастся соблюсти, то, как они говорят, задела, заложенного в конструкцию этих машин, хватит минимум лет на десять, а то и подолее. Так что, повторюсь, каждое по отдельности взятое качество уже выводит человека в выдающиеся специалисты. Взятые все вместе – это что-то нереальное, сверхчеловеческое.

– Эдак вы, товарищ Берия, и до убер-унтерменшей договоритесь. Должно же ведь быть какое-то разумное объяснение.

– Мы проработали вопрос с вот такой точки зрения. Было предположено, что генерал только озвучивает идеи, а саму информацию получает откуда-то со стороны. Не подтверждается. Слишком многосторонняя информация озвучивается генералом. Ни немецкие, ни американские или какие другие структуры не могут быть источником информации, получаемой Брежневым. Слишком невыгодна для них реализация нами этой информации. У нас же я тоже не вижу таких структур. В конце концов, если у тебя есть какая-то разумная идея или серьезная информация, зачем тебе Брежнев? Озвучь ее сам. Так что, товарищ Сталин, остается только один вариант, вернее, два.

– ?

– Либо генерал получает информацию откуда-то из-за пределов планеты, либо он сам не здешний.

– Марсианин?

– Астрономы утверждают, что многие звезды должны тоже иметь планетные системы. Так что на одном Марсе я бы не останавливался.

– То есть, по вашему мнению, Брежнев все же вполне материален и не является существом сверхъестественным?

– Генерал вполне материален, кое-кто даже втихую ему святую воду для умывания подсовывал, не сработало, обугливаться не стал, – с улыбкой поделился информацией с бывшим семинаристом Берия. – Более того, земные женщины способны от него забеременеть.

– Даже так?

– Да, та врач, что при нем. Уже два месяца как.

– Так, может, генерал святой, или даже больше, ведь вроде бы, как утверждается, один раз уже когда-то земная женщина родила от... – Сталин не стал договаривать.

– Нет. Не до такой степени. Там все же были, как говорят, материальные, физически ощущаемые чудеса, а генерал обладает только информацией о вполне себе повторимых в наших условиях механизмах или методах действий.

– А жаль. Представь себе, Лаврентий. Христос сражается на стороне большевиков! Звучит, а?³⁶

– Звучит, – согласился Лаврентий Павлович и вздохнул.

Наверное, впервые за время нахождения на верхних этажах власти всеильный нарком не знал, что следует делать. Варианты, конечно, были, но не было уверенности в их адекватности.

Есть неписаное правило – приходя к начальнику с проблемой, надо иметь хотя бы парочку вариантов ее решения. Варианты действий у Берия были, но не было никакой уверенности, что эти варианты приведут к решению проблемы.

– А вот скажите мне, товарищ Берия, что вас не устраивает в сложившейся ситуации?

– Ну...

– Подождите. Давайте по фактам пройдемся. Все, что делает Брежнев, однозначно идет на пользу стране и народу. Так? Так. Даже его некоторое пренебрежение партполитработой способствует выявлению вредителей и троцкистов в ГлавПУре. Так? Так! Необычные свойства крови генерала позволили сохранить жизни и вылечить нескольких раненых. Это хорошо? Хорошо. Так в чем проблема?

– Непонятно. Непонятно, как это все происходит. Почему? Как это ему удастся?

– Вот вы ответьте мне. Чкалов – был выдающимся, талантливым человеком? – Берия успел только кивнуть, а вождь продолжил: – Стаханов – талант? Паша Ангелина – талант? Мы за двадцать лет воспитали новое поколение талантливых людей. Мы ставим перед собой задачу создания-воспитания нового человека, который сможет жить и созидать при коммунизме. И такой, новый человек должен быть не только сознателен, но и талантлив. Может быть, мы ведь с вами не жили еще при коммунизме, новые люди тогда, в будущем, будут талантливы во всем. И почему бы не допустить, что Брежнев один из тех, кто первым смог совершить качественный скачок в своем развитии. – Сталин сделал паузу, раскурил «генеральской» зажигалкой трубку и продолжил: – Или почему бы не допустить, что генерал уже бывал там, в будущем?

– Но это невозможно...

– Некоторые товарищи утверждают, что спать на потолке невозможно, а вот товарищ Циолковский доказал, что при полетах в космос спать на потолке вполне себе получится. Если мы с вами чего-то не видели, это не значит, что этого не существует. Вот вы, товарищ Берия, коммунизм видели? Нет? Но вы же не считаете его невозможным. Вооот! Так что будем пока считать, если на святого или на сына Творца товарищ Брежнев не тянет, то на талантливого человека из будущего – вполне. Деятельность генерала приносит пользу – не будем ему мешать. Наоборот, надо будет поставить дело так, чтоб все его начинания находили всемерную нашу поддержку. Но без фанатизма! Фанатизм здесь неуместен. И слепая вера! Логика, трезвый анализ и здравый смысл – вот чем надо пользоваться при оценке действий Брежнева. Надеюсь, вы меня поняли?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Говорите, он на учебе в академии? Чему ему там учиться, если мы допускаем, что он из будущего? Надо будет подобрать ему другую должность.

– В тылу?

– Зачем? Он ведь со своими знаниями вполне уже мог сам пристроиться в тылу, в каком-нибудь КБ, наверное, за его консультациями уже очередь выстроилась. Но он стре-

---

³⁶ Не мог состояться такой разговор в главном кабинете насквозь атеистической страны? Мог, и без особых проблем. Богоборчество большевиков (я бы даже сказал, не большевиков, а мимикрирующих под них троцкистов) имело свои периоды-всплески. Было два таких периода – 20-е годы и после 53-го года – в хрущевскую эпоху, в обоих случаях первую или очень серьезную скрипку во власти тогда играли троцкисты. Сталин же, получивший духовное образование, к церкви относился вполне терпимо. Восстановил патриаршество, отмененное, как говорят, Петром Первым, икону на самолете возил во время битвы за Москву, в порядке вещей тогда были освящения священниками РПЦ боевой техники, отправляемой на фронт, и т. д. и т. п.

мится воевать. Причем не безрассудно, очертя голову, а только после серьезной подготовки и тщательных расчетов. Думаю, имеет смысл поручить генералу Брежневу формирование механизированной или ударной армии, которая будет использоваться на каком-нибудь важном направлении. Формирование армии дело не быстрое. Месяца два-три. Будет у него время и на то, чтобы свои инженерные таланты проявить, а потом будет возможность и полководческие еще раз показать. Логично?

– Да, товарищ Сталин, логично.

– Вот и подумайте, как все лучше устроить. С Василевским посоветуйтесь. А по результатам этого нового для Брежнева задания мы уже и поговорим с самим генералом начистоту.

Интерлюдия

Как молоды мы были! Прекрасное время. Я тогда учился в колледже на технолога нефтехимического производства. Еще полгода – и, получив диплом, можно было идти на завод. Там меня уже ждали. Завод расширился. Как же, в Европе война, в Азии война. И эта война нуждается в больших объемах топлива и ГСМ. Заводу будет много заказов, мне будет много работы. Много хорошей и хорошо оплачиваемой работы. Можно будет начать копить на свой дом, купить наконец-то машину, а то не каждая девчонка соглашается кататься со мной на мотоцикле, а уж в машине, с уважаемым инженером из серьезной компании... Думаю, отказов бы не было. Я иногда встречался с парнями, что окончили колледж на год раньше. У них все уже было замечательно. Они могли себе позволить не рассматривать ценники в баре, почти все уже обзавелись машинами, и с девчонками у них ладилось лучше, чем у нас, студентов. Ну, ничего, тогда думалось, еще чуть-чуть, и придет мой праздник жизни.

Не пришел. Поначалу думалось, что война в Европе принесет Канаде и моему родному Квебеку только выгоду. Военные заказы из Британии лились рекой. Даже самые захудалые мастерские начинали расширять штаты и спешно строить новые помещения для производства. Что уж говорить о серьезных компаниях. А меня ведь уже ждало место в одной из них. Дядя. Не, не большая шишка. Просто начальник цеха. Но и его слово что-то на заводе весило.

Сначала пошел слух о том, что мы – канадцы, должны ехать воевать за Англию в Европу против Германии и Франции. Франции! Мы квебекцы-французы! Воевать против Франции? Что за чушь? Помню, мы тогда даже пару раз побузили в кампусе на эту тему. Но вроде бы вопрос сам собой тогда рассосался. Отмазались политики из Оттавы от чести воевать за Англию. Кого-то в Англию все же тогда послали, но призыва под это дело не объявляли³⁷. Потом вдруг НОВОСТЬ! Погиб король. Погибла семья короля. Умер Черчилль. Англия замирилась с Германией. И с Францией замирилась. Хороши бы мы были, начав воевать против Франции... Нечего было и начинать. Оно вон само раздулось.

Заказы из Англии идут – и всем хорошо. Но вот однажды на лекции профессор раскрыл нам глаза. Короля в Англии нет. И нет больше необходимости подчиняться Англии. Канада должна стать полностью независимой. И каждая провинция теперь может выбрать, как ей жить дальше. А уж Квебек и подавно должен. Чего у нас общего с англичанами? Мы французы! Мы за новую свободную Республику Квебек!

И пошли митинги-демонстрации. Мы даже один раз подрались по этому поводу с какими-то военными. Политики в Квебеке³⁸ провозгласили республику и назначили временного президента. Да, кажется, это был Морис Дюплесси. Был праздник. Целую неделю. Но потом в нашем городе появились агитаторы. Они начали рассказывать, что республику никто не признает и нам надо сохранять верность Англии. Но Англия уже, кажется, тогда воевала с США. И мы, по словам этих парней, должны были тоже пойти на войну с США на стороне Англии. Сумасшедшие! Квебек хоть почти в три раза больше Франции, но в шесть раз по площади меньше США. А по населению... даже и не стоит пытаться сравнивать.

Чуть позже появились еще типы. Явно с юга. Эти, наоборот, говорили о том, как нам будет хорошо, если Квебек станет штатом США. Почему было не рассмотреть это предложение? Ну, во-первых – мы французы и менять англичан на потомков англичан... Где логика? А во-вторых – мы будем должны уже на стороне США воевать против Англии, Франции и Германии. Опять воевать? Задолбали! Идите вы все лесом. Оставьте нас в покое.

---

³⁷ Вполне реальная тема. Только ближе к концу войны в РИ канадским властям удалось провести закон об отправке на фронт частей из мобилизованных, а до этого в Европу отправляли только кадровые части.

³⁸ Имеется в виду г. Квебек – столица канадской провинции Квебек.

В покое нас не оставили. Рузвельт объявил, что по просьбе администраций канадских провинций вводит в Канаду миротворческие силы. Ньюфаундленд янки прибрали к рукам тогда почти моментально. А вот в западных провинциях у них что-то не заладилось. Политики в Оттаве объявили о начале войны с США. Наш временный квебекский президент послал Оттаву и объявил о нейтралитете Квебека. Ни один квебекец не будет воевать за интересы англичан. Ни на одной из сторон. Разбирайтесь между собой сами. И мы поддержали тогда Дюплесси. Мы надеялись, что война опять обойдет нас стороной. Но через пару месяцев, я уже тогда начал считать дни до выпускных экзаменов, янки разгромили почти всю канадскую армию, заняли почти всю территорию Канады и их войска стояли почти на всем протяжении наших квебекских границ.

Рузвельт предъявил нам ультиматум. Или мы добровольно входим в состав США, или не обижайтесь. Дюплесси отверг ультиматум. Нам так сказали тогда. Но на следующий день после ультиматума Дюплесси был убит (газеты писали про американских террористов), и власть в Квебеке перешла к Временному Военному совету. Военный совет объявил мобилизацию и заявил, что Квебек будет сражаться за свою независимость. Позже ходили слухи, что наш президент согласился с требованиями Рузвельта, но его как раз убили те генералы из Военного совета. Может, и прав был тогда наш президент, кто знает, может, стоило нам согласиться с янки.

Мобилизация. С призывного пункта нас сразу отправили в какую-то глушь. Лагерь подготовки. Неделю нас гоняли по полям и лесам. Дали несколько раз пострелять из карабинов и заставили несколько раз рыть окопы. Через неделю было распределение по частям. И дернуло же меня тогда сознаться в хорошем знании математики.

– О, как, рядовой! Ты можешь отличить синус от косинуса. И корень с квадратом не путаешь! Тебе прямой путь в артиллерию! – воскликнул начальник нашего лагеря при распределении.

Так я попал в артиллерийскую бригаду. Только там всем было пофиг на мои математические способности. Меня назначили подносчиком снарядов. И последний эскимос бы с этим справился. Нет, вы поймите меня правильно, я против эскимосов ничего не имею, просто тогда они были все сплошь необразованные, ага, белые англичане запрещали им учиться, и если они попадали в наши края, то их только грузчиками на работу брали. Да-да, жизни эскимосов имеют значение!

Я продолжу. Не успел я освоиться на новом месте, как бригаду подняли по тревоге. Суета. Запрячь лошадей в передки, к передкам прицепить наши 25-фунтовые пушки, и вперед к границе, где уже шли бои с янки. Почему к лошадям? Так наша бригада была 1-й бригадой конной артиллерии 1-го корпуса национальной гвардии Республики Квебек! И это было хорошо. Да-да, лошади меня и спасли. Вернее, лошадь.

Бригада вытянулась в колонну. Почти сотня упряжек-пушек. Не, обоз с нами не пошел. Он должен был подойти на передовую позже. Так вот. Почти никто не успел сообразить, что это авианалет. Не было тогда среди нас знатоков авиации. Из-за облаков послышался гул. Из них вынырнули самолеты. Большие. Много. Их было, наверное, столько же, сколько было пушек в бригаде. И с неба начали падать бомбы. Завораживающее зрелище. Я смотрел на это небесное действие как загипнотизированный. Взрыв! Меня откинуло взрывом в придорожную канаву. А следующий взрыв закинул на меня уже убитую лошадь. Тогда я подумал, что все – я погиб. Но нет, эта лошадь была моим спасением. Через долгие-долгие минуты, когда наконец-то прекратился грохот разрывов, я начал выбираться из-под лошадиного трупa. Ужасно болели ребра. Потом фельдшер сказал, что у меня было два сломанных ребра. Но мне стало не до ребер, когда я наконец-то выполз на дорогу. Бригады не было. На дороге валялись искореженные и закопченные пушки и трупы. Трупы людей и лошадей. Повезло спастись только мне? Нет. Нас, «счастливчиков», набралось почти полсотни. Почти все были ранены. Какой-то сержант

взялся командовать. Мы перевязывали друг другу раны. Потом сержант отсортировал тех, кто мог самостоятельно передвигаться, и объявил, что приказ о выдвижении на передовую никто не отменял. Поэтому тяжело раненные остаются здесь, позже мы постараемся кого-нибудь за ними прислать, а все ходячие маршируют на фронт.

К концу дня мы добрались до фронта. Как раз вовремя. Часть, занимавшая эти позиции, начинала отход. И мы вместе с ней пошли в обратную сторону. Нам тогда везло. Янки основные удары наносили в других местах, и мы успевали отходить без риска быть догнанными передовыми американскими частями. Было несколько авианалетов. Но не таких сильных. В основном прилетали истребители и обстреливали нас из пулеметов. Да, потери были. В начале отступления в нашем отряде было человек семьсот. Когда мы вышли наконец к позициям у небольшой речушки, которые занимали остатки пехотной дивизии, нас было уже меньше пятисот.

Майор, который здесь командовал, очень обрадовался тому, что среди нас есть артиллеристы. В тылу позиций, в нескольких километрах от них, была разбомблена колонна какой-то артиллерийской части. Артиллеристы, скорее всего, разбежались после налета. Но вот несколько пушек там были вполне себе целыми. Даже два броневики нашлось в той колонне. Правда, бензина почти в них не было. И не было артиллеристов у майора, а тут мы... Пушки катили на руках. Броневики на последних каплях бензина доползли почти до позиций. И заглохли. Дальше было спешное оборудование окопов для пушек. Броневикам тоже выкопали окопы и затолкали их туда. Меня распределили наводчиком в один из броневиков. И никто не стал слушать, что я ни разу не стрелял из пушки. Артиллерист? Артиллерист! Иди, исполняй приказ, солдат!

– Зря эти генералы нашего президента убили! Надо было соглашаться на предложение Рузвельта, – дернуло меня в сердцах поделиться во время перекура своим мнением с товарищами.

– Чтоооо? – проорал у меня над ухом майор. Его-то я и не заметил. – Под трибунал отдам! Расстреляю!

Вот и пришел мне конец, подумалось. Меня уже тащили к берегу речки расстреливать. Неожиданно майор передумал. Артиллеристов-то в отряде не прибавилось. Меня вернули в экипаж броневика и приковали цепью к пушке. Через пару часов у меня появился напарник. Луи. Он тоже чем-то не угодил майору и стал заряжающим в нашем броневике. И тоже с цепью на ноге.

Я поделился с Луи своими мыслями. Если мы не будем стрелять, то янки во время атаки могут подумать, что броневик сломан или уже подбит, и не будут по нам стрелять. И тогда мы выживем на этой ужасной войне. Луи предложил сразу сломать пушку. Тогда и притворяться не надо будет. Чертов майор. Он стоял рядом с броневиком и все слышал. Нет. Нас не расстреляли. Майор нам показал противотанковую мину. Ее положат под броневик, и если майор увидит во время боя, что мы отлыниваем, то он нажмет на кнопку электродетонатора.

– Я заставлю вас, трусов, родину любить!

И был первый бой. Американцы появились из-за холмов на противоположном берегу реки. Несколько джипов и пяток мотоциклов с колясками. Я выстрелил, наверное, самым первым, очень не хотелось, чтобы майор активировал мину. И я вроде бы даже попал. Один из джипов остановился и задымил, а пока больше вроде из наших никто не стрелял. Вот это да! Попал! Янки начали стрелять по нашим позициям из пулеметов. Но тут наконец-то начали стрелять и наши пушки. Минут пять – и вся техника янки горит. А сами янки удирают к холмам. Победили! Мне в глаза ударил лучик солнца. Что за черт? Люки закрыты. Откуда? Дырка в башне от крупнокалиберной пули. Я не успел еще переварить эту новость, как люк открылся и там показалась довольная рожа майора.

– А говорил, что ни разу не стрелял! Можешь же! Молодцы, парни! Будете так продолжать дальше – лично вам сержантские нашивки пришью.

Но цепи так с нас и не снял, гад такой.

Дальше был авианалет. Бомбили долго. Но артиллерию майор замаскировал хорошо. Над нашим броневиком была натянута масксеть. И все бомбы рвались где-то в стороне. Потом американцы опять пошли в атаку. Их было уже больше. Пятнадцать танков и несколько бэт-ээров. Один танк вырвался вперед и рванул к броду через реку. Брод был как раз напротив позиции нашего броневика. Я выстрелил. Танк крутанулся на месте и застыл. Мой снаряд разбил ему гусеницу. Башня танка начала медленно-медленно поворачиваться в нашу сторону. Я испугался и выстрелил еще раз. Башня танка перестала двигаться, из танка полезли янки. Я прошелся по ним очередью из спаренного пулемета. Бой длился, наверное, полчаса, а может, час. Возле брода уже горело пять танков. Коллеги-артиллеристы тоже не отмалчивались. Почти вся американская бронетехника была подбита, не дойдя до реки. Только два танка уползли обратно за холмы.

Опять рожа майора в люке:

– Орлы! Если продержимся до захода солнца, отправлю вас в офицерскую школу! Мне нужны такие лихие командиры!

– Почему до заката? – вопрошаю, набравшись смелости.

– Должна прийти помощь. Сюда идет наша танковая дивизия. Так что держитесь, парни. Совсем чуть-чуть осталось. Мы сделаем этих долбанных янки!

И опять, сука такая, не подумал снять с нас цепи.

До вечера отбиться от янки не получилось. Совсем. Сначала нас опять бомбили. Потом был артобстрел. Потом прилетели штурмовики и стреляли по нашим позициям из крупнокалиберных пулеметов. В башне броневика появилось еще несколько сквозных пробоин. Но меня и Луи не задело, и пушка с пулеметом были в порядке. Судя по теням, уже скоро вечер. Где же вы, квебекские танкисты?

В третий раз американцев было еще больше. К реке выползло уже штук сорок танков. Мы стреляли. И даже попадали. Я пытался прислушиваться к выстрелам с нашей стороны. Наши пушки стреляли с каждой минутой все реже. Не знаю, почему нас не подбили. Нет, в башню попадали. У меня голова звенела и от своих выстрелов, и от постоянного перестука пуль по броне башни. Да башня была уже похожа на решето. Крупнокалиберные пули проходили ее насквозь. Мы с Луи были все в крови от мелких осколков. А вот снарядами почему-то по нам попасть никак не могли. Были взрывы рядом. Осколки от этих взрывов тоже дырявили башню, но пока без особого ущерба для нас с Луи и для пушки. Один снаряд вскользь попал по крыше башни, сорвал люк и улетел дальше. Нам ужасно везло и в этом бою. Перед бродом уже был целый затор из подбитых танков янки. И не было больше слышно ни одного выстрела пушек с нашей стороны, кроме пушки нашего броневика. И янки уже почти не стреляли. Я подумал, что мы отбились. Вдруг выстрелы зазвучали позади наших позиций. Неужели подошли наши танкисты? Хрена. Фак. Янки нас обошли. Я хотел развернуть башню, но Луи мне сообщил, что снарядов больше нет и пулемет давно уже разбит. Янки очень быстро подавили огонь оставшихся бойцов нашего отряда и начали зачистку позиций. Я сидел в броневике и в смотровые щели видел, как янки добивают раненых. Иногда кому-то из наших везло, и его не достреливали. Пленные им тоже были нужны.

Дошла очередь и до нас. Сунувшийся в дырку от люка янки сначала хотел бросить в нас гранату, но потом рассмотрел, что мы прикованы цепью, и передумал. Нас расковали и вытащили из броневика. Американцы поначалу даже нам посочувствовали. Как это можно белого человека цепью приковывать? От щедрот янки нам с Луи даже досталось по сигарете и глотку виски. Да, виски. Если бы я знал, что в следующий раз попробую этот напиток через много-много лет.

Но потом подошел офицер-янки и указал своим солдатам на кучу подбитых перед нашей позицией американских танков. Затем он залез на башню броневика и увидел, что все дно

кабины завалено стреляными гильзами. Да, эти горелые танки у брода были делом наших рук. Офицер спрыгнул с броневика на землю и, видимо, что-то там задел. Раздался взрыв. Взорвалась заложённая майором мина. Броневик подбросило. Офицер убит. Ещё несколько янки ранено. И тогда нас начали бить. Долго и с расстановкой. Когда янки утомились, то у нас с Луи, наверное, ни одной целой косточки не было.

И опять нам повезло. Мы не смогли бы тогда идти, и нас бы просто пристрелили. Но янки решили именно здесь устроить концентрационный лагерь. Они просто огородили площадку забором из колючей проволоки и начали сгонять сюда наших пленных. Кормили нас плохо. Были дни, когда вовсе не кормили. Вода. Вода была близко. В реке, но и ее нам давали редко. Если проходил дождь, то несколько дней нам не давали воды. «Пейте из луж, лягушатники!» Мы потеряли счет времени. Мы знали только то, что война проиграна и Квебек теперь территория США. И некому было за нас заступиться. И никто нам не говорил, когда нас освободят.

Но вот вдруг в лагерь приехал полковник в американской форме. Он очень чисто говорил по-французски. Мы так и не поняли, то ли он янки французского происхождения, то ли из квебекцев, пошедших на службу к янки. К тому моменту нас в лагере было, наверное, человек восемьсот, может, тысяча. Нет-нет. На самом деле было больше. За те два или три месяца в лагере в него, наверное, тысячи три наших солдат привели. Солдаты умирали от ран, от голода. Вы что, смеетесь! Какие врачи? Какие лекарства? Мы даже бинтов не видели. Так вот, тот полковник нас построил и толкнул речь.

Квебек – теперь штат США. И мы имеем шанс получить право на временный вид на жительство в США. Да-да. Не гражданство. А что вы хотели? Вы совсем недавно воевали с правительственными войсками, и, по уму, ваше место как минимум на каторге. Но американское правительство дает вам шанс искупить свою вину. Война идет в Азии, на Тихом океане, с Японией. Добровольцы из вас будут зачислены в армию США, а после победы все, кто воевал, получают паспорт гражданина. Ну, что, парни, кто готов записаться добровольцем?

Три четверти населения лагеря согласилось. О чем думали остальные – не знаю. Только их сразу построили в колонну и отвели к реке. Пулеметные очереди. И все. Полковник сказал, что каторжники в условиях продолжающейся войны подлежат расстрелу. Почему он это не сказал в самом начале?

Дальше была импровизированная медкомиссия. Нас сортировали на годных и негодных к службе. Негодные, а в их число попал и я с Луи, заволновались. Только полковник успокоил. Негодные будут служить в строительных батальонах. Успокоил. Скоро пришли грузовики за годными. Нас осталось около сотни. Часа через два пришло три грузовика и за нами. Мы долго ехали на юг. Почти два дня. Кормили сносно. Даже один раз остановились у какого-то озера и разрешили помыться.

Мы доехали до небольшого городка в Пенсильвании. Нас привязали к длинному забору на окраине этого городка. Зачем? Ха. Три раза ха! Нас начали продавать. Сержант, старший в нашей колонне, проехал по городку и объявил, что жители города могут с аукциона выкупить у федерального правительства в собственность пленных преступников. Нас продавали как рабов. И нас покупали как рабов. В основном рабов покупали фермеры. Торговля шла бойко. Сержант едва успевал пересчитывать наличные. Нераспроданными осталось трое. Доходяги. Кому они нужны? Сержант предложил фермерам забрать их бесплатно.

– Они же сдохнут через неделю, больше на их кормежку потратишь!

– Ну, раз так, – сержант достал пистолет и три раза выстрелил. – Они мне тоже больше не нужны. Трупы переходят в собственность общины. Делайте с ними, что хотите.

И наши конвойные уехали.

На ферме нас было сначала семеро. Потом хозяин докупил еще двенадцать пленных. Мы работали в поле от рассвета до заката. Кормили нас так, чтобы только не померли. Но все же мы умирали. Был один радостный момент, когда нам выпало облегчение. Из разговоров на ферме

мы узнали, что в мире придумали какую-то новую мощную бомбу и спастись от нее можно только глубоко под землей. И скоро, возможно, враги США начнут бомбить Америку такими бомбами. Тогда хозяин начал спешно строить бункер. Привез стройматериалов, и мы копали котлован, бетонировали, засыпали все землей. Была большая спешка. Кормил нас хозяин тогда от пуза, даже выдал нам каждому по одеялу. Бункер получился не очень большим. Только для семьи хозяина и его работников. Нам там места не хватило бы. Но мы и этому радовались. Когда начнется бомбежка, все спрячутся в бункере, а мы сможем сбежать.

Но бомбежки все не было. Вроде бы где-то, как говорили, и взрывались эти бомбы, но не у нас. И продолжилось наше рабство. Я потерял счет годам. Зачем их было считать рабу, ведь рабство бессрочно. Иногда у кого-то из моих товарищей не выдерживали нервы, и тогда он кидался на сыновей хозяина, исполнявших обязанности надсмотрщиков. И тогда его пристреливали, как взбесившуюся собаку.

Прошло, наверное, лет двадцать. Я пас хозяйское стадо. По пыльной грунтовке ехал автомобиль. Машина остановилась, и водитель спросил меня, как проехать к нам на ферму. Я ответил.

– А, вы на Стюарта работаете? – задал вопрос мужчина.

– Да, я его раб.

– Что? Как это?

Из разговора с женщиной я узнал, что федеральное правительство еще пять лет назад амнистировало всех переданных в сельское хозяйство пленных и разрешило им вернуться обратно по домам.

Потом был скандал. Не на ферме. В штате. К нам в городок приехала целая делегация конгрессменов и прокуроров. Нас освободили. К тому времени нас оставалось девять. Луи не дожил. Целая церемония была. С журналистами. Шоу. Федеральное правительство освобождает последних пленных повстанцев-сепаратистов.

Главный из конгрессменов толкнул речугу под телекамеры и вспышки фотоаппаратов.

– Сегодня мы наконец-то ставим точку во второй Гражданской войне и примиряемся с последними восемью сепаратистами. Теперь и они могут вернуться к своим домам и зажить обычной жизнью!

Восьмью? Нас девять! Конгрессмен идет и вручает паспорта моим товарищам. А мне? Ко мне подходят полицейские и надевают наручники. Что за черт?

– Сегодня произошло еще одно знаковое событие, – продолжает вещать конгрессмен. – Изобличен последний военный преступник второй Гражданской! Он виновен в гибели нескольких сотен военнослужащих армии США! Он будет предан суду и получит достойное наказание. Все должны знать, что у Закона США длинные руки и никто не уйдет от возмездия!

Это он про меня? Я – военный преступник? О боже, за что? Я же просто воевал!

На суде мне адвокат шепнул, что тот молодой офицер, что подорвался возле моего броневику, был единственным сыном генерального прокурора США, а в одном из подбитых мною танков сгорел брат губернатора одного из штатов. Но я же уже черт знает сколько отсидел в рабстве! Суд даже не слушает мой лепет. Двести восемнадцать лет тюрьмы. Почти по году за каждого повешенного на мою совесть янки. Гуманно. Торжество гуманизма. Один год за одну смерть. Апелляция. Они там издеваются? Мне скостили двадцать два года, засчитав в отбытый срок годы, проведенные в рабстве.

Тридцать пять лет в тюрьме. С неграми и латиносами. О нет-нет, прекрасные ребята. Белые расисты запрещали им работать, и парни, чтобы хоть как-то прокормить свои семьи, были вынуждены торговать наркотой или заниматься небольшими экспроприациями. Насилие в тюрьме? Я не хочу говорить на эту тему. Что? Нет. Вы не так поняли. К однополым отношениям я в какой-то степени даже с симпатией... Но эта тема для меня глубоко личная.

В предпоследний год двадцатого века я неожиданно попал под амнистию. О да! Та знаменитая амнистия Билла Клинтона! Когда я наконец поменяю временный вид на жительство на паспорт, то обязательно пойду голосовать за Клинтона. Что? Он больше не может быть президентом? Жаль. Но у него же есть жена, дети, племянники, в конце концов, буду голосовать за них. И все же Билл великий человек. Эта его идея национального примирения и покаяния. Это то, что нам в США так не хватало все эти годы.

Я вот только никак не могу понять. Вот этот лозунг: «Жизни цветных имеют значение!» Нет, я не против. Наоборот. Но вот про нас, французов, забыли! Почему я должен при входе в супермаркет становиться на колени? Я ведь тоже был в рабстве у белых янки! Да, я считаю, что «Жизни французов тоже имеют значение».

Очерк-интервью из сборника «Новое мышление и толерантность». Нью-Йорк, США. 2005 год.

24 марта 1943 года, остров Узедом, Германия.

Уже более месяца длился аврал со всеми сопутствующими движухами-неразберихами, нервотрепкой-усталостью и внушениями-трендюлями от начальства. Ясно, что от тутошнего, полигонного начальства. Майор Пауль Зиберт, по нынешней должности – командир одного из нескольких отдельных инженерно-строительных батальонов, впахивающих на стройках секретного ракетного полигона, сидел за рабочим столом и тупо пялился на солидную кучу-стопку бумаг-документов.

Твою мать! За что? Расхлебывать-разруливать, несомненно, придется, но как это не вовремя!

Недели три назад... Нет. Отставить! Ровно девятнадцать дней назад. Вот-вот, так должен мыслить настоящий ариец, мать его за ногу! Что за плебейские жаргонизмы? Выражайся яснее! Свинская собака! Во! Это по-здешнему, вот так и надо!

Да, замотался майор. Мысли разбегаются. Но все же надо собраться и раскинуть мыслью по древу. Опять?

Майор резко поднялся со стула и прошел в туалет. Холодная вода в лицо и на идеально, по-уставному постриженные волосы. Полегчало. Взбодрился. Для того чтобы распрямить запутанные мысли, надо начать с начала, от печки... опять? Все-все.

Шло очередное рабочее совещание у руководителя проекта генерал-майора Дорнбергера³⁹. Ракетный проект рейха неожиданно для всех причастных получил дополнительное, просто огромное финансирование. И такие же огромные предьявы по скорости исполнения. Ученые-конструкторы довольно урчат. Администраторы-управленцы потирают шаловливые ручки, как же, такие ресурсы в управление получены! Скучно и задумчиво только руководство строительных и технических структур-подразделений. В кратчайшие сроки необходимо построить и ввести в эксплуатацию кучу объектов. От простейших бетонированных окопов и легкосборных ангаров до дополнительных подземных бункеров, стартовых ракетных столов-площадок и капитальных сборочных цехов. Вроде и ресурсы-стройматериалы есть, и строительная техника, и инструмент в достатке, и даже с рабочими руками все в порядке, даром, что ли, еще один лагерь с военнопленными на остров перебазировали, ведь пять размещенных на полигоне инженерно-строительных батальонов своими силами никак не справятся со всем объемом работ. Вроде бы все необходимое есть, для того чтобы в срок исполнить задачи, нарезанные фюрером и партией. Все, да не все.

Есть еще на стройке такие должности – бригадир и прораб. Без них никак. Ни фундамент не забетонировать, ни даже нужного размера-габарита котлован не выкопать, и это не говоря

---

³⁹ Вальтер Роберт Дорнбергер (6.09.1895-27.06.1980) – немецкий инженер-администратор, один из основателей немецкой ракетной программы, в 1937–1945 годах руководил ракетным полигоном Пенемюнде на острове Узедом.

про установку всякой-разной инженерии, водопровод-канализация, электричество-телефония и гидравлика-пневматика со сложно-извращенной, германским инженерным гением, электро-механикой. И надо этих прорабов-бригадиров много. Очень много. Пленных-работяг нагнали почти под сорок тысяч. Грубый расчет. Один бригадир на двадцать-тридцать рабочих. Тысячи полторы бригадиров надо. Прораб на три-пять бригад. Триста-пятьсот прорабов. Где такую уйму строительных и околостроительных специалистов взять? А что, рейх обеднел на технически грамотных мужиков? Как ни странно – да. Обеднел. Потери на Восточном фронте, даже с учетом мобилизации союзников, все равно вынуждают отправлять на войну природных немцев. Инженеров, конечно, стараются не трогать. Но на место взявшего винтовку квалифицированного рабочего приводят под конвоем унтерменша-остарбайтера, а за ним глаз да глаз нужен, квалифицированный инженерный глаз, чтоб не падало качество. В общем, при деле все немецкие инженеры. Неоткуда их взять в таком количестве. Можно было бы по Европе, по союзникам насобирать, да не хочет фюрер даже по чуть-чуть делиться техническими секретами со своими союзниками. Набрать из военнопленных? Бригадир-староста-капо в бараке – это не то же самое, что бригадир-прораб на серьезной ответственной стройке.

– Разрешите, герр генерал-майор, – подал голос на том совещании один из командиров инженерно-строительных батальонов – коллега Пауля.

– Да, говорите, майор.

– А может, действительно набрать из пленных?

– ?

– Думаю, если поискать по всем лагерям, то найдется там хотя бы несколько сотен офицеров-строителей.

– Поставить русского офицера руководить русскими же пленными солдатами? – встре-пенулся один из эсдэшников, рулящих на полигоне безопасностью. – Может, им еще и оружие дать? Это невозможно!

– Но если эти русские офицеры уже сотрудничают с нами...

– Среди русских офицеров не так много разумных людей. Они редко идут на сотрудничество. И я сильно сомневаюсь, что среди таких разумных мы сможем хотя бы сотню толковых инженеров-строителей отыскать.

Но майора не смутить аргументами эсдэшника.

– Извините, герр генерал-майор, разрешите я немного порассуждаю?

Одобрительный кивок Дорнбергера.

– Что значит пошедший на сотрудничество? Вот взяли мы в плен русского офицера-строителя. Допрашивать его будут про то, что он строил-оборудовал, и то только в том случае, если мы уже эти самые объекты не заняли. Если он соглашается откровенно рассказать про стройку завода или там укрепрайона, что его дальше ждет? Идти командовать вспомогательным полицейским подразделением? Писать агитки-пасквилы про Сталина. Для профессионала-инженера – так себе перспектива. Ну, кто-то за нормальную пайку и свободу перемещения согласится, но, насколько знаю, таких немного. Да и неинтересно инженеру полищаем или пропагандистом работать. Вот и сидят в концлагерях такие специалисты и на равных с рядовыми тягают тачку в карьерах.

– И что вы предлагаете? – вопрошает Дорнбергер.

– Предлагаю вот таким офицерам предложить интересную работу по специальности.

Так, надо вступать в дискуссию, а то они сейчас напридумывают.

– И предложение это должно исходить, уж извините, – Пауль кивнул в сторону эсдэшника, – не от лагерной администрации или там от СД с Абвером, а от таких же специалистов, как они. Извините, герр генерал-майор, вырвалось.

– Да, действительно, – поддержал Пауля майор-строитель, – профессионал с профессионалом всегда сможет найти общий язык.

– И как вы себе это представляете? – ехидно спрашивает эсдэшник.

– А мы не будем их вербовать и уговаривать предать их родину, – ответил тогда Пауль. – Мы просто предложим им интересную работу, соответствующую их знаниям и опыту. Все лучше, чем киркой в шахте махать.

Обсуждение тогда затянулось почти на час. В итоге договорились разослать по концлагерям требования отправить в распоряжение руководства ракетного полигона всех установленных военных строителей чином от капитана и выше. Капитан – это все-таки минимум пять-семь лет опыта. Как раз тот минимум, что потребен на ответственном строительстве. Уже сотрудничающих с немецкой администрацией пленных договорились не привлекать. По этому пункту сработал аргумент Зиберта. Мол, будут конфликты между предателями Родины и теми, кто просто готов работать по специальности. Всех выявленных русских офицеров-специалистов должны доставить на Узедом, и уже здесь с ними должны будут провести беседы офицеры из здешних строительных батальонов. Согласятся – хорошо, если нет – то в обычный рабочий барак.

И вот сидит гауптманн Зиберт над списком и стопкой копий личных карточек военнопленных советских офицеров. По всем лагерям нашли-набирали около пяти сотен пленных офицеров, подходящих под требования руководства полигона⁴⁰.

По сотне на каждый из находящихся на полигоне инженерно-строительных батальонов. Сотня карточек-судеб советских людей. Девяносто девять офицеров от капитана до полковника. И единственный из всех доставленных на полигон Пенемюнде генерал. Генерал-лейтенант инженерных войск, профессор Академии Генштаба⁴¹ РККА Дмитрий Михайлович Карбышев⁴².

Твою мать! И что теперь делать? Как не засветиться перед немцами? Как не подставить пленных перед Советским правосудием? Да и вообще, как спасти для Родины сотню, нет, пять сотен профессионалов? Ладно, пусть начальство разбирается. Озадачим его. Как? Фигня, не вопрос. Сейчас придумаем.

Ну-ка, ну-ка, был у нас вроде поставщик из Копенгагена, и что-то он затягивает с отправкой очередного заказа. Майор снимает трубку телефона. Сначала звонок коменданту полигона. Спасибо, герр оберст. Вылет специалиста в Данию согласован. Звонок на аэродром. Что там у вас сегодня в Копенгаген может вылететь? «Шторьх»? Отлично, большего и не надо. Да, один

---

⁴⁰ Существуют разные оценки количества советских военнопленных. По 41-42-му годам – это от 3,5 до 4,5 миллиона. Умирал в плену или расстреливался-казнился по немецкой статистике один из двоих-троих. Шел на сотрудничество с немцами один из семи-восьми. Итого получаем к началу 43-го года – умерло-погибло 1,1–1,5 миллиона пленных, пошло на сотрудничество с немцами (полицей, капо, вспомогательные части и т. п.) – 4 000 600 тысяч, и соответственно в концлагерях находилось – 1,5–2,5 миллиона военнопленных. Численность инженерных и строительных частей РККА по годам войны автор не смог найти. Но ее можно оценить. В течение войны было подготовлено офицеров-специалистов для таких частей около 60 тысяч, из них около 6 тысяч в Военно-инженерной академии. При пропорции один офицер на десять-двадцать солдат получаем общую численность (за все годы) инженерно-строительных частей 600 000–1 200 000 человек из 34 миллионов, прошедших через армию за все годы войны. То есть (грубо) один из тридцати-пятидесяти служил в инженерно-саперных и строительных частях. Можно предположить соответствующую пропорцию и среди военнопленных – 2–3 % от 1,5–2,5 миллиона пленных в лагерях (в 43-м году) – это 30–75 тысяч военнослужащих инженерно-саперных и строительных частей. Или опять пропорция – один к десяти – 3–7 тысяч пленных офицеров-строителей. И далее – один из десяти офицеров – с академическим образованием – это 300–700 пленных офицеров-строителей с серьезным профессиональным опытом. В академию, как правило, принимают офицеров в звании не ниже капитана.

⁴¹ Академия Генерального штаба несколько раз за годы советской власти меняла свое наименование, и автор для упрощения восприятия будет ее обозначать привычным сейчас названием.

⁴² Дмитрий Михайлович Карбышев (14.10.1880–18.02.1945) – русский и советский фортификатор, выдающийся советский ученый – военный строитель, Герой Советского Союза (1946, посмертно). В июле 1941 года раненым попал в плен. Немцы неоднократно предлагали ему пойти на сотрудничество. Изначально немцы рассматривали Карбышева как потенциального руководителя «русской освободительной армии» и только после решительных отказов генерала переключились на попавшего в 42-м году в плен Власова. В РИ – в 43-м, отчаявшись склонить Карбышева к сотрудничеству, немцы отправили генерала в каторжный лагерь. В связи с приближением советских войск Карбышев был казнен. Его обливали холодной водой на морозе, тело генерала было сожжено в печах концлагеря Маутхаузен.

пассажир. Вылет? В 19.00. А что, у вас пилоты ночью не могут летать? Ну, вот и договорились. Нам просто до 19 не успеть. Хорошо-хорошо, с меня шнапс, договорились, два шнапса. Эх, жаль расставаться с парнем, но он единственный в группе имеет летную подготовку.

«Шторьх» с одним из офицеров-строителей вылетел с аэродрома Пенемюнде в Копенгаген через полчаса после захода солнца. Чуть более часа лета. Но, видимо, что-то случилось, не прибыл самолет в Копенгаген. И даже на датскую землю не сел. Сел на шведскую. Ага, через пару часов после взлета связной самолетик приземлился в окрестностях Карлскруны. Наверное, заблудился. Вот только управлял им в тот момент почему-то не летчик люфтваффе, а лейтенант с черными петлицами саперных частей вермахта. А в Карлскруне уже была комендатура Советской оккупационной администрации. И когда успели? Часа три переговоров коменданта с начальством в Стокгольме, и за ночным гостем оттуда прислали самолет. В шведской столице пересадка на Ли-2. И уже утром «немецкий сапер» вышел из самолета на летное поле Центрального аэродрома в городе Москве.

Вот теперь пускай у начальства голова болит над вопросами, заданными майором Зибертом, числящимся в НКВД как капитан госбезопасности Николай Кузнецов. Кроме вопросов к руководству, лейтенант привез и кое-какую документацию по немецкой ракетной программе и по собственно ракетному полигону.

А сам Пауль Зиберт всю эту ночь провел, разбирая проект строительства новых позиций ПВО острова. Подгадили шведы рейху. Бац – и русские части всего в двухстах, а кое-где и в ста километрах от границ рейха. Не ждали – не гадали, и вот на тебе. А если Сталин на юг Швеции перебросит что-то действительно большое-серьезное из авиации? Как отбиваться? Сейчас-то вряд ли. Сейчас ВВС РККА по полной задействованы в Белоруссии. Те авиачасти, что из Карелии наступали, пока заняты в южной Норвегии. Но вот что делать немцам, когда Сталин наконец разберется с Ключе? Надеяться на то, что русские не в курсе про Пенемюнде? Можно. Но лучше подстраховаться. Перво-наперво усилить ПВО! Много зениток, больших и малых. Больше истребителей, дневных, ночных и высотных. И про РЛС не забыть! Будут саперы для всего этого инфраструктуру строить. Ну, и в Москве обо всем этом узнают. Чего самолет зря гонять? Положил Зиберт в папочку тому лейтенанту и копию проекта развития системы ПВО полигона.

Только на ПВО будут надеяться немцы? Конечно, нет. Решено на совещании у фюрера готовить новый, резервный полигон на юге рейха, в Баварии. И туда скоро отправится часть здешних строителей. Батальон же майора Зиберта остается пока на действующем полигоне. Доволен руководитель проекта генерал-майор Дорнбергер работой Пауля, даже намерен обещался замолвить словечко в Берлине об ордене или медальке какой для него, ну и похлопотать обещал о присвоении очередного звания.

Интерлюдия

- Расскажите, Иван Митрофанович, про свою первую награду.
- Про Красную Звезду? А чего там рассказывать. Орден-то серьезный, а получил я его, считай, за несколько недель безделья. Ну, почти.
- Это как же? Расскажите, пожалуйста, подробнее, нашим читателям, думаю, будет интересно.
- Начну, наверное, с Брежнева, ведь если бы не он, то мог бы и не дожить до ордена.
- С Леонида Ильича? Интересно.
- Да, он тогда еще полковником был. Я его первый раз во время десанта на Малую Землю встретил. Не повезло мне тогда. Только призвали в армию. Ну, не только. В Махачкале в запасном полку три месяца нас учили. Учили на противотанкистов. На фронт в конце 42-го я попал уже наводчиком противотанковой пушки. И почти сразу наш батальон во вторую волну десанта под Новороссийском бросили. Не повезло мне тогда. В баржу, на которой нас везли, снаряд попал. Не, баржа не потонула, добралась она до берега, но меня и еще нескольких человек ранило. В ногу мне осколок прилетел. Ну, нас, раненых, на той же барже обратно и отправили. Вот тогда я с Леонидом Ильичом первый раз и встретился. Следующая волна десанта должна была идти, и он с ней. Санитарным машинам к берегу было не проехать. Вот нас на носилках к ним и понесли. И один из тех, кто меня нес, был Брежнев.

В госпитале я около месяца или чуть больше провалялся. К тому времени обстановка на фронте сильно изменилась. Немцы отступали с Кавказа. В Сталинграде их тоже уже окружили. Наши Ростов взяли. Прибыл в часть, она тогда под Туапсе на отдыхе стояла, пополнение получала. Все противотанковые пушки были уже с полными расчетами, и меня в пехоту отправили. Правда, тут курьез произошел. Вроде бы я по всем документам числился участником десанта, имел боевое ранение – обстрелянный ветеран. Вот мне и присвоили в полку звание младшего сержанта и поставили командиром отделения у новобранцев. А ведь я так тогда и ни разу по немцам не выстрелил. Ну, да ладно, думаю, еще настреляюсь.

Отдых наш скоро кончился. Приказ – грузиться на корабли. Опять идем в десант. Куда? Сначала нам не говорили. Но когда выяснилось, что в Крым, то многие приуныли. Были у нас в полку ветераны, кто в начале года в Керчи был, и даже несколько человек было, кто Севастополь оборонял. Нахлебались они тогда по полной.

Корабли вышли в море. Слегка штормило. И на удивление, весь переход до Керчи ни одного налета немецких самолетов не было. Удивительно тогда это нам показалось. Мы ж привыкли, что, куда ни пойдешь, в любой момент из облаков какой «мессер» или, не дай бог, «Юнкерс» выскочит. Пришли в Керчь, готовимся к бою, а там уже все тихо. Десантники и танкисты Брежнева уже все за нас порешали. Что интересно было, так то, что танкисты все сплошь на немецких танках ездили с большими красными звездами на башнях, чтоб не перепутать. Оказалось, что к тому моменту уже весь Крым был освобожден. Наш полк поначалу использовали для прочесывания местности. Искали попятывшихся недобитых немцев и полицаев. А потом раскидали поротно и даже повзводно гарнизонами по городкам-деревенькам. Наш взвод в небольшом поселке оказался километрах в тридцати от Севастополя. На второй день, как мы туда прибыли, с неба самолет упал. Наш истребитель. Не дотянул до аэродрома. Уже подбитый был. Летчик с парашютом выпрыгнул. Мы его быстро нашли. Раненый был, да и при приземлении еще поломался. Вот тогда взводный и отправил меня старшим трофейной машины отвезти летчика в севастопольский госпиталь. Не, не немецкая. Наша, полуторка. Немцам она, видать, в Севастополе или в Керчи досталась, а мы ее уже себе прибрали, она во дворе у местного полица-старосты стояла. Бензин залили – она и завелась. Вот, значит, летчика с санинструктором в кузов, водитель и я в кабину, и погнали. Доехали быстро. В городе

патруль помог сориентироваться. Улица под уклон идет, в конце ее справа большие ворота, въезд в госпиталь. Водитель газку поддал, а я сижу, играюсь с немецким штыком. Под сиденьем в кабине нашел. Водитель начинает тормозить, чтоб в ворота заехать, а тормоза и отказали. А тут еще из ворот «Додж три четверти» выезжает. Водитель попробовал увернуться, но улица узковата. Зацепили мы тот «Додж», а сами в стену дома с размаху вмазались. Хорошо, что по касательной. Все ушибами отделались. Кроме меня. Народ бежит, суетится. Летчика в госпиталь понесли на руках. А я сижу в кабине и смотрю на торчащий из бедра штык. Не больно. Не больнее, чем палец порезать было, а вот кровь хлещет фонтаном. Пытаюсь руками ее придержать, а она меж пальцев ручьями выскакивает. Тут полковник, что на том «Додже» ехал, в кабину заглядывает. Я его даже не узнал. Потом мне уже сказали. Брежнев. Вытащили меня из машины, и я сознание потерял.

Очнулся только на следующий день. Операцию мне сделали. Кровь перелили. Врач говорил, что много крови я потерял, мог и не выжить. Кровь мне от Брежнева переливали, у него такая же группа оказалась. Вот. Врачи поначалу переживали. Боялись, что артерию могли неправильно сшить и у меня могла бы гангрена начаться. Но обошлось. Все быстро зажило. Меня потом две недели не хотели из госпиталя отпускать. Врачи все гадали, как это так у меня шрамы рассосались. Оба, и старый и новый. Я тоже тогда поудивлялся. Даже детские, мальчишеские шрамики-отметины исчезли.

Ну, отбил я от врачей и вернулся в свой полк. Думали, что нас вот-вот отправят на Украину, там уже наши наступали. Но нас погрузили опять на корабли и отвезли обратно на Кавказ, в Потю. А еще через пару дней мы были на турецкой границе. Вот там-то нам на политзанятии политрук и сообщил, что, возможно, скоро Турция на нас нападет. Начали готовиться. Позиции готовили. Народу тогда к границе нагнали тьму. И саперы, и гражданские. Копали, долбили, строили, бетонировали, минировали. Мы тоже без дела не сидели. Правда, мне в этом аврале почти не удалось принять участие. В полк новые противотанковые пушки привезли, ЗиС-3. И всех полковых противотанкистов отправили в отдельный лагерь переучиваться. Ну и про меня вспомнили, что я тоже противотанкист. Там, в лагере, много стреляли. У меня неплохие результаты были. И меня даже повысили за это из наводчиков в командиры орудия. Обучение закончилось. Все расчеты убыли в полк, на границу. А командиров орудий оставили еще на неделю. Командирская учеба. И для ознакомления и общего развития нас с дивизионной артиллерией знакомили. Постреляли мы тогда и из М-10, и из М-30. Был там еще краткий курс артиллерийских наблюдателей-корректировщиков. И у меня были лучшие оценки на зачете и по стрельбе, и по корректировке. Даже благодарность от начальника лагеря получил.

Вернулись наконец мы в полк. Доложились в штабе о прибытии, всех по подразделениям отправили, а меня начальник штаба полка не отпускает. Говорит, будет для меня отдельное задание. Отправили меня в разведроту полка. Там две группы формируют. Наблюдательные. Три полковых разведчика и один артиллерист в группе. Собрались мы, и старший группы повел нас в горы. Полдня шли, карабкались в гору. Пришли. Не на самую вершину, ниже, там еще метров двести-триста до вершины оставалось. Саперы на склоне чего-то колдуют. Оказывается, там на склоне была небольшая пещера. Саперы ее расширяли и маскировали. Огромный скальный обломок прилепился к склону горы. За ним узкий извилистый проход. Протискиваемся туда. Пещера пять на пять или около того. В дальней стене дыра сквозная вверх и вниз, ручеек-водопадик струится. В одной из стен пещеры штольня пробита. Метров двадцать. А в конце штольни комнатка махонькая с пробитой наружу смотровой щелью. Вот это и был наш наблюдательный секрет. Из пещеры можно было в две стороны смотреть на долину. Где на два-три километра, а в одном месте километров на десять обзор был. Ночью саперы натягивали трос легкой канатки, и по ней нам сюда поднимали продукты и оборудование. Штук двадцать здоровенных ящиков с разными консервами, несколько мешков с сухарями, буссоли и стереотрубы, бинокли, матрасы, спальники. Много чего нам сюда подняли, ведь нам тут придется

несколько недель провести. Доски тоже подняли. Мы из них нары и стол со скамьями сколотили. Несколько дней обустраивались. Саперы протянули в пещеру четыре телефонных кабеля, подключили полевые телефоны. Зачем четыре? Так на всякий случай, вдруг какой оборвется. Двадцать седьмого февраля нас замуровали. Завалили вход в пещеру валунами. Не, если понадобится выйти, мы могли и самостоятельно. Ломы-кувалды были, а в дальней комнатке были шурфы просверлены. Заложишь туда взрывпакет, и взрывом пробьет наружную стенку, она там не очень толстая была. В общем, завалили саперы вход, замаскировали все следы своих работ и ушли. А мы начали ждать-скучать, только иногда по телефону со штабом полка перезванивались.

В ночь на первое марта турки атаковали. Да, мы знали, что там и немцы есть, и англичане с арабами, и даже немного итальянцев было, но ведь не будешь их каждый раз перечислять. Напали-то они на нас из Турции, вот мы их всех скопом турками и звали. Почти два дня бой шел на границе, потом наши отошли. Совсем немного отошли. Долина, за ней опять горы, а за теми горами уже были наши основные позиции. Пять-семь километров до наших было. А вот мы в тылу у турок оказались. Вот тут и пришло наше время. Как только увидим, что достойное для обстрела, так сразу звоним. Не, уже на том конце провода не штаб полка был – дивизионные артиллеристы. Вот мы их огонь и корректировали. Несколько недель. Ох и умылись тогда в той долине турки кровью. Только пушек уничтоженных мы почти восемьдесят штук насчитали. Автомашин под три сотни. Танков семь десятков. Даже один самолет. Сел как-то в долину ихний «Юнкерс» транспортный, ну и его огнем накрыли. Про пехоту я уж и не говорю. Тысячи. Историки потом, слышал, считали, про тридцать тысяч разговор был. Вполне возможно. Много турецких трупов было. Ну, турки, конечно, не дураки, быстро сообразили, что где-то корректировщики сидят. Искали-вычисляли. Но там, вокруг той долины, еще три таких же секрета было. Не получалось у турок вычислить, где мы сидим. А прочесывать все горы вокруг – бесперспективно. Во-первых, людей не напасешься, а во-вторых, мы ж друг за другом смотрели, и как только турки очередной раз собирались чего-нибудь прочесать, так вызывали огонь артиллерии по этим «прочесывателям».

Вот так мы и просидели в пещере до самого нашего наступления. Пищу на спиртовке грели, мылись в водопадике, нужду, извиняюсь, туда же справляли, вода все вниз, в дыру уносила.

После этого я в полковой разведке так и остался. И орден свой первый получил, так и ни разу по врагу не выстрелив.

Отрывок из интервью с ветераном Великой Отечественной войны И. М. Перепелицей, опубликованного в газете «Аджарский комсомолец» 5 мая 2008 года.

25 марта – 27 марта 1943 года, Восточная Анатолия, Турецкая Республика

Эта рота была одним из первых отрядов Народно-освободительной армии Курдистана, проникших в Турцию из Ирана. Сначала рота несколько дней пробиралась на запад горными тропами. Обходили окольными путями любое жилье. Старались не попасться на глаза пастухам. И к первому марта вышли к западному берегу озера Ван. Тут проходила шоссейная дорога, ведущая от средиземноморского Искендеруна к советско-турецкой и турецко-иранской границе. Это был не самый важный, но один из нескольких путей снабжения немецкой группы армий «Кавказ».

Рота разделилась на десять групп и разошлась вдоль дороги. Группы занимали позиции на господствующих над дорогой вершинах и обстреливали идущие по ней колонны. Одиночными машинами тоже не брезговали. Иной раз получалось, что колонна снабжения из полусотни грузовиков шестидесятикилометровую горную дорогу от Байкана до Татвана преодолела трое суток и к выходу на берег Вана насчитывала всего пяток машин. А за этой колонной шла другая, и эта другая вовсе не доходила до озера. Попытки турок и немцев бороться с

засадами на горных дорогах почти не наносили вреда группам. Группы не вступали в бои с подразделениями противника, а просто уходили от них на другую гору. Травм, неизбежных в горах, было больше, чем боевых ранений.

Однажды роте крупно повезло. Удалось заблокировать на дороге камнепадами десять британских танков. Четыре тяжелых «Черчилля» и шесть средних «Крусейдеров». К двум удачно сработавшим группам подтянулись остальные. И началась травля. У роты не было ничего, способного пробить броню этих танков. А танки не могли задрать пушку так, чтобы доставать диверсантов, и не могли развернуться на узкой горной дороге. Курды спускали по склонам камнепады. Один «Черчилль» был полностью погребен под каменной лавиной. А два «Крусейдера» были сброшены камнепадом в пропасть. Танкисты пытались отстреливаться из личного оружия и снятых с танков пулеметов. Куда там... Крупнокалиберные снайперки отряда быстро отучили их от этого. Почти двое суток курды выкуривали англичан из танков. Сначала огнем из винтовок разбивали приборы наблюдения, сбивали антенны радиостанций, а потом, подобравшись к ослепшему танку, поджигали его. Гранаты в отряде давно кончились, взрывчатку потратили на камнепады. Вот и пришлось жечь. Кусты-сено-ветки на крышу моторного отделения, скупые выстрелы через решетку по масляному радиатору, пара спичек – и очередной танк потихоньку начинает дымить. А там, глядишь, и экипаж из люков полез. Дважды к месту боя пытались прорваться турки. Но их каждый раз останавливали еще на подходах к месту засады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.